

NEW YORK TIMES & USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

Сильные, смелые и привлекательные герои Робин Карр готовы поставить на карту все ради любимых. Перед вами незабываемая история о любви, храбрости и благородстве.

Робин Карр

**СБЕЖАВШАЯ
НЕВЕСТА**

Робин Карр

Сбежавшая невеста

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589555

Сбежавшая невеста: роман / Пер. с англ. Е.В. Ламановой.:

Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02559-3

Аннотация

Дженифер была профессиональной любовницей. Большого труда ей стоило вырваться из нищеты, но уж теперь она имела все: драгоценности, роскошные автомобили, чудесный домик на берегу океана. Однажды Дженифер стала свидетельницей преступления: ее благодетель Ник Ноубл в порыве гнева убил жену. В страхе за свою жизнь девушка убежала в захолустный городок. Рассталась с внешностью холеной красавицы, устроилась работать в закусочную. Дженифер нашла свою любовь, настоящих друзей и стала наслаждаться простой жизнью. Пока ее не нашел Ник.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Робин Карр

Сбежавшая невеста

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Она вошла в здание аэропорта Форт-Лодердейла, в ее сторону повернулись все головы. И мужские, и женские. Дженифер привыкла к этому, – она знала, что выглядит неотразимо. Стройная, загорелая блондинка, длинноногая, с высокой грудью и лицом, привлекавшим всеобщее внимание. Она подошла к стойке и, узнав служащую, которую видела уже несколько раз, сказала:

– Привет, Илейн. Меня зовут Дженифер Чейз, я должна встретить здесь мистера Ноубла. Мы с ним летим в Лас-Вегас.

– Он еще не появлялся, миз Чейз, но, если хотите, можете пройти в самолет.

– Благодарю вас, я лучше подожду его здесь.

– Тогда давайте погрузим ваш багаж, чтобы потом не тра-

тить на это время.

Дженифер кивнула, бросила взгляд через плечо на носильщика с ее вещами и, пройдя в комнату ожидания, уселась на кожаный диванчик. Отсюда ей был хорошо виден вход в терминал.

Ожидая своего друга Ника, она подумала, что еще совсем недавно у нее не было денег даже на автобус, а теперь она летает на персональных самолетах. Кто мог знать, что так повернется судьба?

Частный самолет ночного клуба «Казино МГМ» доставит их в Лас-Вегас, где они собираются провести несколько дней. Ник относился к той категории игроков, которых называли китами, поскольку играли они по-крупному. Дженифер предполагала, что выигрывал он не чаще, чем проигрывал, ибо по крайней мере четыре раза в год МГМ посылал за ними свой «Гольфстрим». И во всех этих поездках Ника сопровождала Дженифер, несмотря на то что он был женат.

Дженифер тоже была в некотором смысле игроком, но только играла она не на деньги. Она ставила на *саму себя*, будучи уверенной, что сумеет так сильно очаровать красотой и обаянием мужчину вроде Ника Ноубла, что он будет щедро тратить на нее деньги. Однако игра эта требовала большого мастерства и уверенности в себе. Мастерство со временем пришло, а вот уверенность всегда готова была ее покинуть. Иногда ей приходилось изображать эту уверенность. Люди, окружавшие Дженифер, и не подозревали, что под маской

богатой гламурной леди скрывается неуверенная в себе девочка, которая поднялась наверх из самых низов.

Дженифер наклонилась к своему колену и погладила сапожки из кожи угря, стоившие две тысячи долларов, гладкие, словно шелк. Она любила их больше всех других. Много-много лет назад, когда ей было восемь или девять лет, мать подобрала на какой-то свалке пару выброшенных туфель примерно такого же размера, что и у Дженифер. В ту пору они особенно нуждались. Может быть, именно поэтому Дженифер была равнодушна к роскошной обуви. Сапоги были серо-зеленого цвета и прекрасно подходили к ее кремовым юбке и жакету. Короткая юбка имела стратегический разрез слева, а жакет застегивался под грудью, подчеркивая ее полноту.

Будь у нее возможность выбора, она предпочла бы каблук пониже, но Ник, по какой-то непонятной причине, хотел, чтобы она всегда казалась высокой и длинноногой. У нее был вполне приличный рост – сто шестьдесят два сантиметра, а высокие каблуки давали ей все сто семьдесят пять. Однако странность заключалась в том, что сам Ник был совсем невысоким мужчиной – его рост составлял сто шестьдесят семь сантиметров, – но обожал высоких стройных блондинок. И дело было вовсе не в комплексе коротышки. Сам Ник, вероятно, считал, что росту в нем не меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров. По крайней мере, такой величины было его самомнение.

Дженифер ждала уже полчаса, и, хотя люди не могли не взглянуть на нее, она ничуть не беспокоилась. Бортпроводник их самолета уже дважды приходил поболтать с Илейн, делая вид, что хочет проверить, не прибыл ли Ник. Команда корабля, наверное, совсем извелась от ожидания. Ник терпеть не мог, когда опаздывали другие, сам же редко являлся вовремя.

Дженифер откинула за спину свою длинную платиновую гриву и погладила ее, словно котенка. Ник *обожал* ее волосы. Как и тот джентльмен, что был у нее до него. Она заботилась о волосах, словно о своем единственном ребенке.

Илейн вышла из-за стойки и подошла к ней.

– Миз Чейз, может быть, вы хотите пройти в самолет? – спросила она.

Дженифер улыбнулась:

– От этого мистер Ноубл не появится быстрее, Илейн. Я подожду его здесь.

– Вы не знаете, где он?

– Нет.

– Вы не звонили ему на работу или в машину?

Дженифер молча покачала головой. Разве объяснишь этой девушке, что Ник не любит, когда за ним следят, разыскивают или подгоняют, поэтому звонок мог вызвать противоположный эффект. Он приезжает, когда ему вздумается, не заботясь о том, что его ждут. Раз он сказал, что будет здесь, значит, будет. Ник заставлял других ждать ради того,

чтобы показать, кто здесь главный.

Наконец, почти через час после намеченного времени вылета, двери небольшого терминала открылись, и вошел Ник, закатывая на ходу рукава рубашки. Это был невысокий широкоплечий крепыш с толстыми бедрами. У него были очень сильные загорелые руки с удивительно маленькими и тонкими кистями. Его нельзя было назвать красивым, но и безобразным он тоже не был. Женщины находили его сексуальным, но никто не знал почему – то ли из-за его внешности, то ли из-за ощущения силы, исходявшей от него.

Ник относился к тому типу мужчин, которым очень трудно сказать «нет»; он был ярким, возбуждающим, богатым и производил впечатление весьма опасного человека, возможно, оттого, что его всегда сопровождали один, двое или трое крупных и спокойных мужчин. Дженифер называла их мясниками, отчего Ник всегда хохотал, хотя точнее их нужно было бы называть *громилами*. Она пыталась не думать о них. У Ника была целая команда людей, которые работали на него, окружали и сопровождали его. Это были мальчишки на побегушках. Дженифер считала, что, имея под рукой людей, всегда готовых выполнить любой его приказ, Ник ощущал свою значимость. На этот раз его сопровождали Джессе и Ли.

Служащая аэропорта вздохнула с видимым облегчением, а Дженифер встала. Ник обнял ее за талию, поцеловал в щеку и сказал:

– Здравствуй, деточка. Мы готовы лететь?

– Я думаю, все уже готовы, – ответила она. – Мой багаж в самолете.

– Отлично. Тогда пойдем. Я чувствую, что на этот раз мне повезет.

Дженифер познакомилась с Ником Ноублом два года назад. Она только что устроилась на секретарскую работу в коммерческую компанию, связанную с недвижимостью. Работа была легкой и хорошо оплачивалась. Дженифер заполняла заявки владельцев, которые хотели отремонтировать свои дома, собирала ренту и сдавала ее в банк, а также регистрировала кредиты. Ее отделу подчинялись несколько офисных зданий в Форт-Лодер-дейле и Бона-Рейтоне. Дженифер считала, что ее взяли на эту работу не за умение вести дела, а за красивую внешность. Она, несомненно, была лицом фирмы; бизнесмены, бравшие у них кредиты, постоянно пытались за ней приударить.

Дженифер проработала там совсем недолго, когда владелец имущества, которым занималась их фирма, положил на нее глаз. Это был Ник. В первый же день их знакомства он пригласил ее пообедать и сразу же дал понять, что заинтересовался не ее деловыми качествами, а желает наладить романтические отношения. Мужчины думали, что Дженифер, с ее пухлыми губками, высокой, большой грудью и одеждой, подобранной с таким расчетом, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры, можно легко затащить в постель, но она ве-

ла себя очень осторожно. Прежде чем сдаться, она заставила Ника долго за ней ухаживать и за это время хорошо его изучила. Он был женат третьим браком, имел кучу денег, несколько предприятий и бронированный автомобиль. Ник говорил, что Барбара, его жена, очень счастлива, что у нее есть ее клуб, драгоценности, большой дом, и она не станет поднимать шум из-за его романов, если он будет ежедневно пополнять ее счет и оплачивать покупки, сделанные по кредитным карточкам.

Однако оказалось, что Ник несколько недооценил свою жену. Барбара была очень ревнива и время от времени устраивала скандалы, которые сильно портили жизнь Нику и Дженифер. Но никто, ни один человек не мог диктовать Нику, как ему жить. И хотя Барбара была очень недовольна их связью, она не собиралась отказываться от богатства, ради которого вышла замуж. Барбара Ноубл, жена номер три, имела с Ником роман в ту пору, когда он еще состоял в браке с женой номер два. У Дженифер не было никакого желания стать женой номер четыре, и, возможно, именно это больше всего привлекало в ней Ника.

Ник ухаживал за Дженифер с размахом. Он звонил, заезжал, посылал за ней машину и водил в дорогие рестораны. Ежеженедельно она получала цветы и подарки. Он брал ее с собой на свою яхту и на виллу в Ки-Уэст. Он выходил из себя, чтобы завоевать ее. А она прилагала все усилия, чтобы увернуться. Дженифер играла в обычную женскую игру,

изображая недотрогу.

За два года общения с ним она так и не бросила работу. Для нее было очень важно ощущать себя не простой любовницей, а человеком, занятым делом. Правда, ей приходилось часто отпрашиваться на работе. Если Ник хотел, чтобы она ехала с ним, она уезжала. Но ее начальник не возражал, потому что Ник был очень ценным клиентом.

В роскошном салоне «Гольфстрима» Дженифер расслабилась. На столике перед ней стоял бокал с шампанским, а на коленях лежала книга. Ник же с того самого момента, как вошел в самолет, повис на телефоне. Он часто вскакивал, мерил шагами салон, повышал голос и потрясал кулаком в воздухе. Она уловила пару фраз: «Послушайте, черт вас возьми, эта программа действует уже несколько лет!» и «Если не доставите это вовремя, то заплатите, и заплатите по полной!». Дженифер в совершенстве освоила искусство делать вид, что ее здесь нет. Ей не было дела до проблем Ника. Девушка понимала, что если будет совать нос в его дела, когда он на взводе, то только сильнее разозлит его. Любой человек, на плечах которого лежит бремя финансовой ответственности, имеет право время от времени сбрасывать пар.

Через пару часов полета Ник закончил свои переговоры. Джессе и Лу спали на первых сиденьях салона, откинувшись на спинки. Они сидели спиной к Дженифер и Нику. Ник заказал бортпроводнику виски со льдом и подошел к Дженифер, устроившейся с ногами на диване. Он уселся рядом и

положил ей руку на колено.

– Что ты читаешь, детка?

Она мягко закрыла книгу и улыбнулась:

– Любовный роман.

Его рука медленно проползла по колену и забралась под юбку, лаская бедро.

– Хорошее занятие, – сказал Ник с улыбкой. Он сделал глоток и покрутил стакан, отчего кубики льда звякнули о хрусталь. Его рука поднялась выше.

Но Дженифер остановила ее. Она прижала к бедру книгу, не позволяя руке Ника двигаться дальше. Стюард отдал все, чтобы получить эту работу, и наверняка уйдет, чтобы заняться чем-нибудь на кухне и ничего не видеть, но Дженифер не хотела заниматься любовью в самолете.

– Веди себя прилично, – строго сказала она Нику. – И попытайся быть терпеливым.

Ник хмыкнул и убрал руку, но наклонился к ней. Она поцеловала его горячим и многообещающим поцелуем, ощутив на его губах и во рту вкус виски.

Когда они оторвались друг от друга, она сказала:

– Если будешь хорошо себя вести, то сможешь принять вместе со мной горячую ванну. – При этом Дженифер знала, что ей, скорее всего, придется плескаться одной, поскольку Ник будет играть в покер.

Он нежно погладил ладонью ее грудь.

– Хорошо, мамочка. Давай-ка посмотрим, какие тут у нас

фильмы. – Он взял пульт, включил телевизор, висевший под потолком, и, найдя в списке нужный фильм, нажал на кнопку. Затем он улегся на кожаный диван и положил властную руку на бедро Дженифер.

Она раскрыла книгу и углубилась в чтение. Девушка знала, как держать мужчин на поводке, понимая, что без этого нельзя. Это помогало сохранять к ней интерес. Иногда они вели себя как дети, забыв обо всем. У нее были очень строгие принципы; она требовала, чтобы к ней относились с уважением и не унижали ее достоинство. Стоило мужчине допустить лишнее, как она с ним больше не встречалась.

Дженифер была профессиональной подругой. Любовницей. Не девочкой по вызову и не проституткой. Она была *великолепной* подругой. Большая часть ее доходов поступала от мужчины, который в данный момент находился с ней рядом, но она сама никогда ничего не просила. Никогда. Это всегда были подарки. Иногда они покупали их вместе, а иногда мужчина дарил ей что-нибудь совершенно неожиданное. Два кольца с бриллиантами, которые она носила, были для нее сюрпризом, а в прошлом году Ник решил купить ей машину, и они вместе выбрали «ягуар».

Конечно, если бы Ник редко делал ей подарки, она бы давно уже от него ушла.

Как женщина приобретает такую профессию? Дженифер получила ее случайно и совершенно невинным способом. Когда умерла ее мать, ей было всего девятнадцать, а от про-

дажи дома ее деда осталось совсем немного денег. Их хватило только на переезд из Огайо во Флориду и на то, чтобы отложить небольшую сумму на черный день. Девушка мечтала о солнце, которое должно было согреть ее сердце, так как неожиданно она осталась совсем одна. У нее не было ничего и никого. Она не знала, что делать и куда пойти. Ей казалось, что она провела всю жизнь заботясь о матери, а когда та умерла, то к горю примешалось чувство усталости. Ей нужно было немного отдохнуть и сменить обстановку.

Дженифер устроилась в дорогой ресторан в Форт-Лодердейле, убирала со столов и ждала, когда ее переведут в официантки; она слышала, что посетители, способные заплатить несколько сотен долларов за обед с вином, дают хорошие чаевые. Но настал день, когда одна из стройных молодых администраторов не вышла на работу, и управляющий велел Дженифер надеть узкое черное платье – форму администратора – и заняться приемом заказов на столики и препровождением посетителей на их места. Она понравилась начальству, и ее оставили на этой работе. В девятнадцать лет она еще не была красавицей, но обладала элегантностью и вела себя с достоинством. Единственным ее недостатком было то, что один из ее передних зубов был сероватого цвета, и это ей очень мешало.

Спустя пару недель один из завсегдатаев ресторана, старик по имени Роберт, пригласил ее поужинать с ним. Дженифер смутилась и отказала. Зачем ей ужинать с человеком,

который годится ей в деды? – подумала она. «Потому, что он богаче самого Господа Бога, – объяснила ей одна из администраторш. – И ласковый, как котенок. Скажи ему, что ты *свободна*».

Дженифер задумалась. Она была одинока. У нее не было ни семьи, ни даже близкой подруги. Она с трудом сводила концы с концами. Ее лучшее платье принадлежало ресторану – то самое маленькое черное платье, которое она носила на работе. А Роберт был *хорошим* человеком, которого знал весь Форт-Лодердейл, безобидным и очень, очень учтивым. Так уж получилось, что ему нравились молодые девушки.

Дженифер отправилась ужинать с ним в «ресторанном» платье, и, к своему величайшему удивлению, ей очень это понравилось. Он был добр, внимателен и терпелив и стремился сделать все, чтобы ей было хорошо. Они подружились, и ему доставляло большое удовольствие водить ее в разные места. Дженифер должна была соответственно одеваться, поэтому они прошлись по магазинам и купили ей больше одежды, чем она имела за всю свою жизнь. Роберт считал, что жизнь в районе, где она снимала однокомнатную квартиру, не совсем безопасна, и бесплатно поселил ее в одной из служебных квартир своей компании. У Роберта было несколько таких апартаментов, в которых останавливались командированные. Одной больше, одной меньше – для него это не имело значения.

И еще он послал ее к зубному врачу, оплатил лечение.

Ее улыбка, сказал он, обворожительна, и она должна почаще улыбаться.

Ей даже нравилось спать с ним, но для него это было делом десятым. Он тратил большую часть своей энергии на бизнес, немного – на прекрасную молодую любовницу и еще меньше – на жену. Дженифер была его подругой около двух лет.

Она знала, что никто никогда не будет о ней заботиться вечно, поэтому была готова к тому, что их отношения когда-нибудь закончатся. Когда это произошло, от большей части подарков ей пришлось отказаться. Дженифер вернула Роберту квартиру и взятую напрокат машину, хотя, будучи богатым и щедрым, он мог бы настоять, чтобы она оставила себе драгоценности. Она была готова ко всему. Поэтому, пока поклонник ухаживал за ней, девушка отложила немного денег на черный день. Выросшая в нужде, она научилась разумно тратить деньги. Дженифер должна была заботиться о Дженифер, и она нашла способ, как это делать.

Остальное, как говорится, принадлежит истории. Первый богатый мужчина появился, когда ей было девятнадцать, а Ник – когда ей уже исполнилось двадцать восемь. Между ними было несколько других. Дженифер очень привязалась к Роберту, и ей было грустно, когда он ушел. Последние два года в ее сердце поселился Ник, а отношения с другими мужчинами были просто деловыми соглашениями.

Когда Дженифер проходила по большому вестибюлю Гранд-отеля MGM, в своей ультракороткой юбке, обтягивающей ее стройные бедра, и сапогах на высоких каблуках, мягко ступая по роскошному толстому ковру, все мужчины оборачивались и смотрели ей вслед. Даже здесь, в Лас-Вегасе, где не было недостатка в красотках, она притягивала мужские взгляды. Дженифер прошла мимо маленького мальчика, уцепившегося за руку своей матери, который обернулся и посмотрел на нее. Ему было года четыре, не больше, и он уже восхищался ею. Таковы мужчины – они любят глазами. Она посмотрела на мальчика, улыбнулась и подмигнула ему.

Сияющие платиновые волосы Дженифер доходили ей до талии. Глаза, в которые были вставлены линзы лавандового цвета, сверкали под густыми ресницами, а полные, увеличенные с помощью коллагена губы так и напрашивались на поцелуй. О ее груди нечего было и говорить – она была высокой, благодаря постоянным упражнениям и небольшим солевым имплантациям, которые были сделаны на деньги ее третьего мужчины. Если бы она сделала это десять лет назад, могла бы пойти в модели. Но великолепная внешность не дается без труда и без денег.

Они с Ником провели в Лас-Вегасе три дня и завтра собирались уезжать. Он не мог жить без игры в покер по-крупному и всякий раз, когда ему хотелось поиграть, дарил ей подарки. На этот раз Ник преподнес ей теннисный браслет и вручил пачку новеньких хрустящих стодолларовых бумажек,

велел хорошенько повеселиться. Он тратил на нее много денег, и Дженифер использовала их, чтобы всегда оставаться модной и желанной, не забывая отложить небольшую сумму на черный день, который, как она знала, был не за горами.

Дженифер прекрасно провела время, хотя Ника почти не видела. Она прошлась по магазинам, посмотрела пару кинофильмов, позанималась в частном спортзале, провела несколько часов в салоне красоты, где ей сделали массаж, маникюр и педикюр, а в свободное время читала книгу, сидя под навесом на берегу частного бассейна. У Дженифер была загорелая кожа, но солнце не имело к ее загару никакого отношения. Она не хотела подвергать кожу облучению. Загар создавался искусственно, с помощью спрея. Раз в неделю она делала чистку лица, массаж и наносила загар, который через четыре дня начинал бледнеть. На пляже или у бассейна она лежала под зонтиком или под тентом. Ее кожа была практически безупречной, чем она очень гордилась.

Конечно, все ночи она проводила с Ником. Или, лучше сказать, предрассветные часы, поскольку игра в покер заканчивалась очень поздно.

В свои пятьдесят четыре года Ник был поджар и энергичен, иногда требователен, часто неумолим, когда дело доходило до того, что он хотел получить. И если он желал ее в четыре часа утра, она должна была подчиняться. Впрочем, такой график был у нее только во время поездок. Во Флориде они жили раздельно, и Ник редко проводил с ней всю ночь.

Иногда ей казалось, что она больше не вынесет его требований. Ник был, несомненно, самым ненасытным из всех мужчин, с которыми она имела дело. Но всякий раз, когда Дженифер начинала подумывать об уходе – из-за требований Ника или скандалов его жены, – он дарил ей что-нибудь необычное, напоминая, что часы, которые она провела с ним, были потрачены не зря. В прошлом году он подарил ей домик на берегу, который так ей понравился, что она решила остаться. Ее сбережения росли, но она знала, что, уйдя от Ника, потеряет все.

Однако порой ей было очень одиноко. Работая в фирме, которая зависела от Ника, и имея гибкий график, чтобы в любую минуту явиться по его зову, девушка не пользовалась особой любовью у своих коллег. Впрочем, она всегда предпочитала одиночество. Дженифер знала, что говорят за ее спиной, но гулящей не была. В ее жизни было всего несколько мужчин, и она никогда не встречалась с несколькими поклонниками одновременно. Никогда.

Такие мысли роились в голове Дженифер, когда она пробиралась сквозь толпу в отеле, возвращаясь в свою комнату. MGM всегда селил их в многокомнатный номер, расположенный в частном крыле, которое называлось «Особняком». Это было очень престижное место, со своей командой поваров, слуг и *настоящих* мясников. Она уже несколько раз жила здесь с Ником – он считал, что она приносит ему удачу. К такой роскошной жизни привыкаешь очень быстро, но

Дженифер не считала, что надо принимать ее как должное. Она хорошо знала, как быстро все может измениться – в ее жизни было много трудных периодов, но были и счастливые моменты. Счастливое время заканчивалось очень быстро, но она вспоминала о нем с радостью.

Добравшись до номера, Дженифер тихо открыла дверь и сразу же замерла на месте от громкого крика:

– А я и не собираюсь спрашивать твоего разрешения! Я приехал играть в покер, и, если бы мне нужна была ты или что-нибудь от тебя, я бы взял тебя с собой!

Это кричал Ник. Дженифер заглянула в прихожую и встретила взглядом с «мясником» номер один, Ли. Лу был похож на гору. Он стоял в прихожей, спиной к гостиной, сложив на груди руки.

– Ты привез в Вегас свою любовницу, а меня бросил на съедение акулам в Палм-Бич, чтобы потрахаться здесь в свое удовольствие.

Ага. Это, наверное, миссис Ник.

– Я приехал, чтобы поиграть в покер! Трахаться я могу и во Флориде!

– Все знают, что ты бросил меня дома, а сам приехал в Вегас со своей шлюхой!

Дженифер застыла от возмущения. Она не шлюха. И не Барбаре об этом говорить.

– А ты поменьше думай о том, что говорят другие! У тебя есть большой дом, дорогие украшения. Да и за тобой грешки

водятся. У тебя тоже есть любовник!

– Грязные у тебя мыслишки! Морис – гей.

Послышался звон разбиваемой посуды. Барбара начала швырять в Ника чем попало. Надо было дать ей время сбросить пар.

Дженифер потихоньку вышла в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь. Она спустилась в тихий бар, села в угловой кабинке и заказала «Маргариту». Медленно потягивала коктейль, стараясь растянуть его подольше. Пусть Ник и его супруга выясняют отношения. Ей не впервой оставлять свою комнату и вылетать первым классом в Форт-Лодердейл. Так что все это ерунда.

– Привет, милашка.

Она подняла голову и встретилась взглядом с глубокими карими глазами красивого и хорошо одетого мужчины.

– Купить тебе выпить?

– Нет, спасибо. Я жду одного человека. Он скоро придет.

В уголках рта у незнакомца появилась насмешливая улыбка.

– Пошли его к черту, – предложил он.

Дженифер, сплетя пальцы, положила обе руки на стол. На ее пальцах и запястье сверкали драгоценности стоимостью не меньше шестидесяти тысяч долларов.

– Не могу. Правда не могу, – мягко произнесла она со своей неотразимой улыбкой.

Незнакомец тут же испарился.

Она хорошо понимала, что не должна флиртовать с другими мужчинами или позволять им увлечься собой. Во-первых, Ник этого не потерпит. Кроме того, ей встречалось много женщин, которые попали в беду, кусая кормившую их руку. Не говоря уж о тех, кто по глупости позволил себе безнадежно влюбиться и верить всему, что им говорили, а потом покончили с собой.

Дженифер никогда не была влюблена. По крайней мере, после окончания школы. Она видела, как часто страдала от разбитого сердца ее мать, да и ее собственная любовь, растоптанная обманувшим ее негодяем старшеклассником, научила ее тому, чего она не хотела знать о любви. После этого Дженифер решила подняться над всем этим и вести добродетельную жизнь. И ее жизнь действительно была *добродетельной*.

Однако скандал в номере Ника расстроил ее. Ник считал, что их медовый месяц с Барбарой закончился и теперь они должны жить сами по себе. Дженифер не любила ссор и никогда не устраивала скандалов. Она любила доставлять людям удовольствие. Но Нику этого было мало – он был вспыльчив, иногда даже страшен. К ней он относился ласково, но она слышала, как он орал на людей по телефону, угрожая расправиться с ними, если не получал того, чего ждал, и не обращал никакого внимания на все ее попытки успокоить его.

Именно поэтому она старалась заниматься своими делами

и не подслушивать его разговоры.

Дженифер подумала, что двух часов Нику с женой хватит, чтобы выяснить отношения, и посидела в баре еще полчаса. Если победила жена, один из парней, скорее всего Ли, перехватит ее в коридоре и тихонько отведет в ее собственную комнату или в свой номер. Если же Нику удалось прогнать жену, то она найдет Ника или записку от него, в которой он прикажет ей встретиться с ним позже. Откровенно говоря, она надеялась, что Ник победит.

Она вернулась в номер, тихонько отперла и открыла дверь и заглянула в прихожую. Тишина. Дженифер вошла и прислушалась. Ни звука. Затем до ее слуха донесся звук текущей воды и приглушенный голос мужчины. Она растянула губы в привычной улыбке и направилась в гостиную – и тут же остановилась. Здесь была драка, кровавая драка. Вся мебель была перевернута, на полу сверкали осколки стекла, а белая мебель и ковер были забрызганы кровью.

– Убери ее отсюда, – услышала девушка голос Ника.

– *Куда*, например? – спросил один из охранников.

– Какая разница. Не беспокойся о деньгах, просто сделай то, что нужно. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что здесь произошло. И убери номер – чтобы прислуга не задавала лишних вопросов.

Дженифер застыла в дверях, потрясенная тем, что услышала и увидела. Тут она заметила Ника, который прижимал к глазу пакет со льдом. Рукава его рубашки были закатаны, и

на ней виднелись пятна крови – должно быть, это была кровь его жены. Он прошел из спальни в бар. Дженифер услышала, как звякнули в стакане кубики льда. Ее он не заметил.

– Ты видел мою куклу? – крикнул Ник в другую комнату.

– Она просунула голову в дверь как раз в ту минуту, когда Баб начала бить хрусталь.

– Вот дерьмо. Найди ее. С ней тоже надо что-то делать.

Дженифер тихонько зашла в гардеробную. Ей ничего не было видно, но она все слышала. Ли и другой «мясник», Джессе, прошли к двери, ведущей в коридор.

– Нужно найти что-нибудь большое, что можно легко вынести.

– Сумку для гольфа.

– Верно. Или большой чемодан на колесиках. В такие чемоданы можно запихать очень многое.

И они ушли.

За всю свою жизнь, какой бы плохой она ни была, Дженифер не могла себе представить, что окажется в такой ситуации. Но теперь, стоя в темной раздевалке и ощущая на своем лице полосу света от неплотно закрытой двери, она поняла, что надвигается нечто страшное. Сила ярости Ника потрясла ее. Она чувствовала, что он занимается темными делишками, хотя и не знала какими. Но зачем человеку нужно, чтобы с ним постоянно торчали два амбала?

Подождав несколько мгновений, Дженифер открыла дверь. Она собиралась бежать, но услышала звук включен-

ного душа. Ник был чистоплюем. Он решил принять душ, чтобы смыть с себя кровь.

Она понимала, что не стоит делать того, что она задумала, но ей очень хотелось узнать все. Дженифер прошла через гостиную, где царил хаос, и прокралась к двери в спальню. Заглянув в комнату, она увидела миссис Ник, лежавшую на кровати лицом вниз. Ее рука безжизненно свешивалась вниз, а волосы на затылке были мокрыми. От крови?

«О боже, он ее убил!» – подумала Дженифер. Они разругались, и, намеренно или случайно, в приступе ярости, Ник прикончил свою жену. И теперь его парни должны убрать ее тело. А после этого он «займется» ею.

Дженифер услышала странный звук и вытянула шею. Ник пел в душе! И тут она поняла, что ее ждет. Надо бежать. Надеяться не на что. Человек, который распевает в душе, когда его жена лежит мертвой в нескольких метрах от него, шутить не будет.

Дженифер вышла из номера, покинула особняк и прошла через казино. Она взяла такси и велела ехать в аэропорт. Вещей при ней не было. Только крошечная сумочка, в которой, к счастью, лежало много денег. Дженифер не знала, что делать, но она хорошо понимала, чего делать *не надо*. Она не поедет в аэропорт и не будет ждать там рейса во Флориду – здесь ее быстро найдут. Не поедет она и в свой домик на берегу, ибо Ник обыщет его в первую очередь.

Тем не менее она купила билет до Флориды по своей кре-

дитной карточке. Потом приобрела за наличные темные очки и шарф. Она надела шарф на голову, скрыла глаза под очками и снова взяла такси, велев ехать в пригород Лас-Вегаса. И здесь, остановившись в маленькой гостинице, где не было игроков, она немного успокоилась и решила подождать, когда разлетится весть об убитой женщине. Неподалеку располагались узкая аллея, бакалейный магазин, аптека, кофейня, лавка, куда жители сдавали поношенные вещи, и магазин, где продавали излишки военного имущества. Когда стемнело, Дженифер вышла на улицу, спрятав под шарфом свои яркие платиновые волосы. Она купила спортивный костюм и теннисные туфли, хлопчатобумажное белье, краску для волос и бейсболку. Позже она приобрела в военном магазине мужскую одежду.

Каждый день она покупала газету и не отходила от телевизора.

Но никаких сообщений о смерти Барбары Ноубл не было. Прошло четыре дня, и ни слова. Дженифер позвонила в МГМ и спросила, живет ли Ник Ноубл в своем номере, и ей ответили, что он уехал. Может быть, она ошиблась? Может быть, Ник говорил не о трупе, а просто хотел, чтобы его жена уехала из Лас-Вегаса? А что, если вернуться во Флориду, сказать ему, что она испугалась его гнева, извиниться за свое бегство, вернуться на работу и продолжить прежнюю жизнь? Но сначала она решила позвонить Нику домой в Палм-Бич и попросить пригласить к телефону Барбару.

– Извините, но миссис Ноубл нет дома.

– А вы не скажете, когда ее можно будет застать?

– Миссис Ноубл уехала за границу, и я не знаю, когда она вернется.

Уехала за границу? На следующий день в газете появилась небольшая заметка, но не о Барбаре, а о ней, Дженифер. Заголовком гласил: «Пропала женщина». Под ним была ее фотография, сделанная в то время, когда они вместе с Ником ходили на яхте. Ее длинные светлые волосы развевались на ветру, а сексуальная улыбка была полна уверенности. Как назло, фотография в газете была очень четкой. В заметке сообщалось: «Дженифер Чейз, тридцати лет, из Форт-Лодердейла, отсутствует уже пять дней. Она приехала в Лас-Вегас с друзьями, которые сказали, что она исчезла совершенно неожиданно, не взяв с собой никаких вещей. Ее спутники сообщают, что у них пропала большая сумма денег и драгоценности, и они считают, что мисс Дженифер Чейз стала либо свидетельницей ограбления, либо его жертвой, либо подозреваемой, и полиция хочет ее допросить».

Дженифер в ужасе уронила газету на колени. О боже, подумала она. А потом, с кривой ухмылкой, сказала себе: «Хороший ход, Ник. Обвинить меня в ограблении, а когда полиция найдет меня, отказаться от всего. Но меня не проведешь».

В заметке было еще одно предложение: «Тот, кто сообщит о местонахождении мисс Чейз, получит крупное вознаграж-

дение. Если вы знаете, где она, позвоните, пожалуйста...»

Девушка упала спиной на кровать и подумала: «Все развалилось как раз в тот момент, когда я подумала, что у меня все есть. Именно в тот момент, когда я подумала, что знаю, что делаю, знаю, чего хочу, знаю, что от меня потребуется, чтобы получить это. Как раз тогда, когда я подумала о том, что скоро все кончится».

Она перевернулась на живот. Вот и не верь после этого в предчувствия.

Глава 2

Увидев свою фотографию в газете, Дженифер решила уехать подальше и села в автобус. Она не знала, куда он идет, а просто проехала полчаса по пустыне и вышла на первой же остановке, в небольшом городке. Минут через двадцать, миновав несколько приличных гостиниц, она нашла мотель, несомненно знававший лучшие времена. Это было убогое, стоявшее между свалкой и железнодорожными путями заведение – всего двенадцать комнат. Ник Ноубл никогда не найдет этот мотель. А если и найдет, то ему и в голову не придет искать здесь Дженифер.

Она заняла комнату под номером восемь и, заглянув в телефонную книгу, узнала, что попала в город Боулдер-Сити. Отлично, подумала она. Об этом городе никто никогда не слышал. Здесь она не привлечет к себе внимания. Она могла бы поселиться в одном из казино на Стрипе; автобус миновал несколько таких заведений, но они были большими, а их стоянки забиты машинами. Там слишком многолюдно, и ее вполне могут опознать по фотографии в газете.

Дженифер посмотрела на карту в телефонной книге. Боулдер-Сити, небольшой городок, был расположен всего в двадцати пяти милях от Лас-Вегаса, на берегу озера Мид по дороге к плотине Гувера. Это было последнее место, где Ник стал бы искать стильную, увешанную драгоценностями Дже-

нифер Чейз.

Дженифер постояла у зеркала, не узнавая женщину, смотревшую на нее. Одежда из армейского магазина была совсем не похожа на оставленную ею в отеле. Чисто вымытое лицо, без признаков косметики, казалось совсем простым и бледным. Дорогой искусственный загар уже почти сошел. Шок, который Дженифер пережила из-за того, что вынуждена скрываться, весьма способствовал ее блеклому виду. Она бросила контактные линзы в унитаз, и ее глаза из сексуальных лавандовых превратились в обычные карие. Впрочем, зрение у нее отличное, и линзы ей не нужны. Девушка остригла длинные акриловые ногти и на мгновение почувствовала себя калеккой.

Дженифер хотела перекрасить длинные, доходившие до талии платиновые волосы в каштановый цвет, но они получились тускло-серого оттенка – вот что бывает, когда пользуешься дешевой краской, купленной в аптеке! Взяв ножницы, она решила исправить положение, но на глаза ей навернулись слезы. Сколько лет она холила и лелеяла свою гриву! Ник обожал ее волосы – он сжимал их в кулаке и прятал в них свое лицо. Этого больше никогда не будет. «А если и будет, – громко произнесла девушка, – то он наматает мои волосы на руку, чтобы размозжить мне голову». Рука, державшая ножницы, дрожала. «Успокойся, – сказала она своему изображению. – Судьба еще повернется к тебе лицом. И

все это временно – пока я не решу, что надо делать и куда идти. – Она посмотрела себе в глаза и, поняв, что разговаривает с изображением в зеркале, сказала: – О боже, это наследственное. Я такая же сумасшедшая, как и моя мать».

И Дженифер принялась стричь волосы, совсем коротко. Она стригла их, и по ее щекам текли слезы, пока, наконец, на голове не остался лишь колючий ежик странного серого цвета. Девушка выглядела так, как будто кто-то очень плохо покрасил ее волосы, а затем плохо подстриг. Но ей надо было уничтожить сходство со снимком и стать совершенно незаметной и неузнаваемой.

Дженифер на мгновение задумалась и побрила голову. После короткого раздумья были сбриты и брови. А сколько она тратила денег, чтобы они были профессионально окрашены и с помощью воска обрели красивый полукруглый изгиб! Насколько она помнит, натуральный цвет ее бровей был черным. И еще они были густыми, бесформенными и сросшимися на переносице.

После этого, несмотря на свою решимость стать сильнее обстоятельств, Дженифер упала на комковатый матрас, покрытый тонкой простыней, и разрыдалась. О чем она думала, связавшись с Ником? Ведь у нее была возможность выбрать *любого* богатого старика из тех, что восхищались ею. Это помогло бы ей скрыться от мира. Неужели она и вправду считала, что так умна и эмоционально защищена, что никто не сможет обидеть ее? Вот тебе еще одно доказательство

того, что и без любви можно оказаться с разбитым сердцем. А теперь ты осталась ни с чем в задрипанном мотеле в крошечном городке в пустыне за пределами Лас-Вегаса. И никто тебе не поможет. Хуже того, тебе грозит смерть. И все твои планы провалились.

Стоял март, и на следующее утро девушка проснулась от холода. Небо было свинцово-серым, а за окном шумел дождь. Обогреватель не работал, и Дженифер подумала, что выхода у нее нет.

Утро еще только окрасило темные облака в серый цвет, но пребывание в этой холодной сырой комнате сделалось для Дженифер невыносимым. Она влезла в ветровку цвета хаки, обернула вокруг шеи шарф и надела на лысую голову бейсболку. Все ее пожитки уместились в полотняном рюкзаке. Кабинет администрации мотеля был еще закрыт – так что попросить включить обогреватель в ее комнате было некого. Она вышла, решив узнать, есть ли в этом городишке что-нибудь еще, кроме свалки и железнодорожной колеи.

Через несколько кварталов дорога раздваивалась – шоссе уходило налево, а Дженифер пошла направо. Она прошла еще несколько кварталов – вдоль улицы тянулись кафе и магазины, но все они были закрыты. Она насчитала три ресторана, все, очевидно, без скатертей на столах. Дженифер шла по старой улице с разбитым тротуаром, но среди старых лавок попадались и современные магазины и закусочные, построенные, вероятно, совсем недавно, чтобы привлечь тури-

стов, желающих посмотреть на плотину Гувера и проезжающих через этот город на своем пути к Большому каньону. Тут девушка увидела, что владелец «Старбакса» отпирает дверь. Часы на витрине магазина подарков показывали половину седьмого. На углу располагался небольшой крытый рынок, не больше обычного магазина, в его витрине были выставлены свежие фрукты и овощи, объявление сообщало о том, что здесь продают свежее филе.

Дальше высился большой белый отель с вывесками, которые извещали, что здесь расположены «подземная танцплощадка» и «Музей плотины». Напротив парковки стояло небольшое кирпичное здание, выкрашенное в розовый цвет, – танцевальная студия.

Дженифер свернула с главной улицы налево и через несколько кварталов увидела парк, библиотеку, театр и старый жилой район с крошечными, похожими на игрушечные разноцветными домиками; ими были застроены целые улицы. В этой части города, очевидно, не существовало никаких законов о единстве облика домов и участков, поскольку ухоженные здания и аккуратно подстриженные лужайки соседствовали с покосившимися постройками, окруженными заборами из проволоки, за которыми виднелись грязь и сорняки. Дома, однако, были примерно одного и того же типа, за исключением одного, стоявшего в конце улицы. Это было квадратное двухэтажное здание с занавесками в цветочек на окнах, похожее на осколок шестидесятых.

За углом она увидела почту и подумала, что попала в центр города. В Боулдер-Сити ничто не напоминало о том, что город стоит в пустыне, – листва была густой, многие деревья не сбрасывали листья и зимой, а на других на голых ветках уже проклюнулись свежие почки. Кусты были густыми, а трава – зеленой.

Девушка прошла мимо магазина пряжи, букинистического магазина и лавки, где продавали продукты для здорового образа жизни. В глубине улицы она увидела знак, на котором было написано «Нейлз». В парке бегали две молодые женщины, на другом конце улицы старик выгуливал собаку. Дженифер свернула на боковую улочку и между химчисткой и салоном для стрижки собак увидела закусочную, в которой горел свет, а на окне висела табличка «Открыто». Над дверью выцветшей красной краской было написано название заведения – «Консервная банка».

Эта закусочная давно уже нуждалась в ремонте, но сияла чистотой и содержалась в полном порядке. Поскольку на главной улице работала закусочная сети «Старбакс», Дженифер подумала, что дела здесь идут не слишком хорошо – в зале был всего один посетитель. У стойки стояли табуреты, вдоль стены тянулись ниши, столешницы в которых были сделаны из пластмассы, отчего все заведение напоминало паршивую забегаловку пятидесятых годов. Но очень уютную и теплую. Ей вспомнилась закусочная, куда ее водил дедушка, когда она была маленькой.

Когда она вошла, звякнул колокольчик.

– Доброе утро, – поздоровался с ней человек, стоявший за стойкой.

Дженифер уселась на табурет как раз в середине совершенно пустой стойки. Человек, сидевший в нише в дальнем углу, читал газету, разложив ее на столе.

– Доброе утро, – поздоровалась она. – Можно кофе?

Через несколько секунд чашечка уже стояла перед ней.

– Сегодня холодно и сыро, не так ли?

– Просто жутко холодно, – сказала она, поплотнее запахивая куртку.

– В это время обычно бывает гораздо теплее. На деревьях уже набухли почки, и травка зазеленела. Скоро весна. Пока согревайтесь, а потом поговорим о завтраке, – сказал человек за стойкой.

Дженифер подняла голову и посмотрела на него. Он покосился на ту часть ее лица, которая выглядывала из-под козырька бейсболки. На мгновение она сконфузилась, но затем вспомнила, что сбрила брови. С самоуверенным смехом она сдернула с головы бейсболку и обнажила лысую голову и безбровый лоб.

Он чуть было не подскочил от удивления:

– Ух ты! Это теперь такая мода, что ли?

– Для уродов, – ответила она, надевая бейсболку.

– Холодно, наверное?

– А как же.

Это был крупный мужчина лет шестидесяти – тучный, с густыми, плохо подстриженными седыми волосами, отдававшими желтизной и похожими на солому, квадратным лицом и розовыми щеками. Он был похож на шестидесятилетнего мальчика с большими ушами. Она бы сказала, что это лицо открытого человека. У него были дружелюбные голубые глаза, окруженные морщинками, двойной подбородок и привлекательная улыбка – справа сзади не хватало одного зуба.

– Я принесу вам бисквит с подливкой, – с гордостью произнес он.

– Но я не хочу есть, – ответила Дженифер, – просто замерзла.

– Вы долго пробыли на улице?

Ого. Он решил, что она бездомная. Одежда из армейского магазина, рюкзак, бейсболка.

– Нет. Впрочем, может быть, я немного загулялась. Я живу в мотеле у железной дороги кварталах в шести отсюда. Я проснулась от холода. В комнате нет обогревателя. А офис администрации еще закрыт.

– Это мотель, который стоит позади свалки и кучи мусора?

– Он самый.

– Да уж, Чарли не церемонится со своими постояльцами, – с сильным испанским акцентом произнес человек, сидевший в одной из ниш. – Вы должны потребовать, чтобы он не брал с вас платы за ночь.

– Брать-то он не должен, – сказал человек за стойкой. – Но все равно возьмет. Зануднее Чарли никого не найдешь.

Человек в нише сложил газету, встал и потянулся. Потом он снял с крючка фартук и надел его. А, это повар, догадалась Дженифер.

– А вы уже прочитали эту газету? – спросила она его.

– Бери ее, дорогая. – Он обогнул стойку и подошел к грилю. Звуки готовящегося завтрака наполнили закусочную, а вскоре последовали и запахи. Дженифер уселась в той же нише, где она могла разложить перед собой газету.

Прошло немного времени, и владелец заведения принес ей кофейник.

– Есть еще не захотели? – спросил он.

– Нет. Я правда не голодна.

– Простите, что говорю вам это, но вы слишком худая.

– А мне это нравится.

– Если у вас нет денег...

Она изумленно посмотрела на него.

– Деньги у меня есть, – произнесла она, быть может чересчур гордо. Если бы он знал, сколько денег лежало в ее сумочке, которую она засунула в рюкзак, он бы просто не поверил. Не говоря уж о драгоценностях. Медленно светало. «Не протестуй слишком бурно», – сказала она себе. Это очень хорошо, если люди подумают, что ей не везет в жизни. Она очень хорошо знала эту роль, поскольку в детстве другой у нее не было.

– Я поем что-нибудь потом. Просто хочу согреться. И почитать газету.

– Разумеется. Скажите только слово, когда проголодаетесь. Адольфо уже готовит завтрак.

Дженифер выпила еще две чашки кофе, просматривая газету. Но она не нашла никаких упоминаний о супругах Нобл или о ней самой. Сколько времени Ник сможет делать вид, что его жена уехала за границу? Кто-то же начнет скучать по Барбаре! Например, ее любовник.

«Но будет ли кто-нибудь скучать по тебе, Дженифер?» – спросила она себя. Поднимет ли тревогу ее босс? Вряд ли – ведь это он познакомил ее с Ником, которому он наверняка позвонит.

«Ник, – скажет он, – Дженифер не вернулась на работу. Не знаешь ли ты?..» – «О, Арчи, прости меня, – скажет Ник. – Я должен был тебе позвонить. Она сбежала от меня в Лас-Вегасе, прихватив мой кошелек с деньгами. Встретила кого-нибудь, у кого яхта побольше, наверное. Ты ведь знаешь этих шлюх».

А коллеги, не любившие ее, только порадуются тому, что ее больше не будет с ними. Она не заводила друзей среди женщин, чтобы избежать ревности. Свобода от обязательств, которые налагает дружба, позволяла ей в любой момент быть доступной для своего очередного друга и выполнить любой его каприз. Ник, подобно другим, которые были до него, не любил ничего планировать заранее и требовал от нее, чтобы

она была готова уехать в любой момент. Поэтому друзей она не заводила. И впервые за десять лет пожалела об этом.

«Ну почему я сразу же не пошла в полицию! Была слишком напугана. Боялась того, что не смогу ничего доказать, и полицейские мне не поверят. Они не смогут меня защитить, и пройдет немного времени, как я погибну в аварии. А может быть, уехать из страны, как это сделала Барбара Ноубл».

На газету упала тень, и девушка испуганно вскочила. Перед ней опять стоял владелец закусочной, с кофейником в руке.

– Наверное, я должен извиниться. Я не хотел посмеяться над вашими волосами. Вы подверглись химиотерапии? Или чему-нибудь вроде этого?

У Дженифер возникла мысль списать все на рак, но она не решилась и дальше искушать судьбу. С лысой головой, с красными от слез глазами она, вероятно, показалась этому старику уродиной. Что же ему сказать? Но почему она должна перед ним исповедоваться? Ведь она находится в закусочной, а не в церкви или в полиции.

Хозяин ласково смотрел на нее.

– Вы заботитесь о людях, которые к вам приходят, да? – спросила она.

– Нет, я... – Он запнулся, но потом решительно сказал: – Да, забочусь.

– Не беспокойтесь обо мне. Я не больна и не бездомна. – «Я просто безмозглая дура, сбежавшая от убийцы», – хоте-

лось ей добавить.

– Вот и хорошо, – сказал он. Перед тем как уйти, он снова подогрел ей кофе.

Моросивший дождь неожиданно превратился в ливень, и по окнам застучали капли. Дженифер пошла к двери, чтобы выглянуть наружу, и с изумлением увидела старую женщину с палкой и собакой, дергающей поводок. Порыв ветра чуть было не свалил старуху с ног. Дженифер открыла дверь, чтобы помочь ей войти. О собаке она не подумала, и хорошо сделала, поскольку тогда она, быть может, сдержала бы свой порыв. Собака зарычала, но не очень убедительно. Дженифер подхватила старушку под локоть, не давая ей упасть, и шикнула на пса.

Она не знала, можно ли пускать собаку внутрь, но пустила ее. Впрочем, эта собака была со старушкой, и обе они сильно промокли. Адольфо бросился к ним с двумя посудными полотенцами, что-то быстро и возбужденно говоря по-испански, но не успел. Собака, старый толстый желтый Лабрадор, едва войдя внутрь, энергично встряхнулась.

– Что ты делаешь, Алиса?! – вскричал Адольфо. – Мне придется теперь все утро вытирать пол.

– Эх, Алиса, теперь нас наверняка выгонят отсюда. Доброе утро, Баз.

– Луиза, – сказал владелец закусочной. – Неужели у тебя нет ни капли здравого смысла? Тебе нельзя выходить на улицу в такую погоду.

– Это же не ураган, бог ты мой, – проворчала старуха.

– Я подумал, что сегодня ты позавтракаешь дома. Погода ужасная. Я принесу тебе чаю.

Старушка посмотрела Дженифер в глаза и сказала:

– Это было очень мило с вашей стороны. Вы храбрая – как вы догадались, что Алиса не откусит вам руку?

Дженифер подвела женщину к одному из столиков и выдвинула стул.

– Я не храбрая, а глупая, – сказала она. – О собаке я даже не подумала, пока она не зарычала. – Она погладила пса по голове. – Тебя зовут Алиса? Как живешь?

– К счастью, Алиса очень добрая...

– И старая, словно бог, – добавил Баз, который принес чашку с блюдцем и поставил их на стол. Он понюхал воздух. – Нет ничего хуже запаха мокрой собаки, правда?

В закускойной текла обычная жизнь, к которой все, кроме Дженифер, уже давно привыкли. Собака улеглась под столом у ног своей хозяйки, Луиза вытащила из большой сумки, спрятанной под плащом, газету, Адольфо что-то бормотал по-испански, вытирая пол, а Баз расставлял на стойке кофейные чашки. Закончив с полом, Адольфо вернулся к грилю и, насвистывая, принялся готовить завтрак. Луиза, читая газету, напевала себе под нос, отчаянно фальшивя.

Дженифер вернулась к своей газете и кофе. Скоро Баз снова подошел к ее столику. На этот раз с тарелкой. Ему очень хотелось накормить ее, и он принес яичницу, пшенич-

ный тост и сосиски. Он поставил тарелку прямо на середину газеты.

– Вы – вегетарианка? – спросил он.

Она покачала головой и улыбнулась.

– Вам не кажется, что вы ужасно надоедливы?

– Я принесу вам сока. Вам обязательно надо выпить сока.

Дженифер вспомнила, когда в последний раз ела яйца.

Это было в номере у Ника. На ней был шелковый пеньюар от Веры Ванг. Яйца по-бенедиктински, поданные под серебряной крышкой с мимозой и тушеной картошкой, которую предварительно обжарили. Был также прекрасный поднос с конфетами, но Дженифер никогда их не ела. Она берегла фигуру.

– Вот ваш сок.

– Э-э... мне хотелось бы... Не могли бы вы принести мне пончик с джемом? Побольше?

Лицо База осветила счастливая улыбка. Он, по-видимому, любил угощать и пообещал принести ей пончик сейчас же.

– Съешьте сначала яичницу, – сказал он.

– Есть, сэр.

«В бегстве есть одно преимущество, – подумала девушка. – Не надо постоянно соблюдать диету. И черт меня побери, если я еще когда-нибудь буду заботиться о том, чтобы отлично выглядеть ради мужчины!»

Она открыла меню, лежавшее позади подставки для салфеток, чтобы узнать стоимость того, что ей предстояло

съесть. Цены были так низки, что она чуть было не вскрикнула. Как же он сводит концы с концами, продавая еду по таким смехотворным ценам?

Ее мысли унеслись к шикарному маленькому домику на пляже Форт-Лодердейла. Она часто завтракала или пила утренний кофе на веранде, откуда открывался великолепный вид на океан. Дом был небольшим, но очень элегантным. Его интерьер разработал Нельсон Литл из Нью-Йорка, а мебель была от Хенредона. Ковер, диваны, стулья и тахта были белыми, а подушки и покрывала серовато-бежевого, сливового и баклажанового цвета.

Ник, наверное, все это продаст за неделю. Бездомные из Форт-Лодердейла, без сомнения, скоро будут щеголять в одежде с лейблами ее любимых модельеров.

Яичница База была восхитительной. Она просто таяла во рту. Он, должно быть, кладет туда тонну сливочного масла.

Пока Дженифер ела, в закусную вошли несколько человек, и все они знали База и Луизу. Адольфо время от времени высовывался из-за задней стойки и говорил:

– Buenas días¹.

Среди вошедших был человек лет за пятьдесят, который быстро выпил чашечку кофе и отправился открывать свой магазин, молодые домохозяйки, бегавшие в парке и попавшие под дождь, женщина, остановившая свою машину у передней двери и забежавшая наполнить свой термос. Из раз-

¹ Добрый день (*исп.*).

говора Дженифер поняла, что она торгует недвижимостью, и ей вовсе не улыбалось показывать клиентам дома в такую погоду.

Дженифер заметила, что старушка Луиза встала и принялась надевать плащ.

– Погоди, Луиза. Адольфо отвезет тебя домой. Дождь еще моросит, – сказал Баз.

– Я не растаю, – ответила она.

– А я и не думаю, что ты растаешь. Я боюсь, как бы ты не поскользнулась и не упала.

– Смотри сам не поскользнься, – огрызнулась она, хорошо понимая, что он беспокоится о ней.

Дженифер рассмеялась и сказала:

– Хороший ответ, Луиза.

– Ты знаешь, что я имею в виду... – произнес Баз.

– Я пришла сюда, чтобы пройтись, а не прокатиться. Мелкий дождик меня не испугает.

Алиса встала на лапы, с трудом потянулась и не спеша пошла к двери, а ее хозяйка медленно двинулась за ней, опираясь на палку.

– Луиза, прошу тебя...

– Отвяжись, Баз, – сказала она, подходя к двери и открывая ее. Баз вышел из-за стойки, чтобы поддержать дверь, но Луиза даже не оглянулась на него. Он покачал головой, глядя ей вслед, а затем вернулся за стойку.

Дженифер завтракала, не снимая куртки. Она просунула

руки в лямки рюкзака и подошла к стойке. Вытащив шесть долларов из кармана, она положила их рядом с кассой.

– У вас есть зонтик? – спросила она База.

– Конечно. Но я могу попросить Адольфо...

Этот человек ее достал. Подал ей еду, подаст такси, что еще?

– Если вы дадите мне на время зонтик, я провожу Луизу, а на обратном пути занесу вам зонт.

Несколько мгновений он смотрел на нее, раздумывая. Потом сказал, обращаясь к Адольфо:

– Принеси большой старый зонт, который лежит в сумке для гольфа в кладовке.

– Si. Uno momento.

Зонт был покрыт пылью. Очевидно, Баз давно не играл в гольф.

Догнать Луизу было не трудно. Дженифер даже не пришлось бежать. Ее фигура виднелась впереди под морозящим дождем. Догнав старушку, Дженифер раскрыла над ней зонт так, чтобы своим краем он закрывал Алису. Собака посмотрела на нее и, Дженифер могла поклясться, улыбнулась. Во всяком случае, вильнула хвостом.

– Не возражаете, если я пройду вместе с вами?

Луиза остановилась, слегка повернулась и посмотрела вверх на Дженифер, которая была гораздо выше ее.

– С вашей стороны это очень мило, девушка. У вас есть имя?

Черт побери, она забыла придумать себе имя!

– Дорис, – назвала она первое пришедшее ей на ум и нахмурилась. Откуда, черт возьми, оно взялось? Теперь придется какое-то время отзывать на него.

– Послушайте, Дорис, вы только что из армии?

– Нет, – засмеялась Дженифер. – Сейчас такая мода.

– Гм.

Луиза осмотрела ее с ног до головы, но от комментариев воздержалась. Она двинулась вперед, и какое-то время они шли молча. Затем она остановилась, повернулась к Дженифер и спросила:

– А что привело вас в Боулдер-Сити?

Еще один прокол. Дженифер поняла, что плохо продумала свое поведение. У нее хватило ума побрить голову и сбрить брови, и на этом ее воображение закончилось.

– Я была в Лас-Вегасе и подумала, что никогда не видела плотины или Большого каньона. Может быть, я еще съезжу туда.

– Отличная идея, – сказала Луиза и снова зашагала вперед. Это будет долгая прогулка, независимо от расстояния, поняла Дженифер. Луиза шла медленно и не могла разговаривать на ходу. Если она хотела что-то спросить, останавливалась, поворачивалась, поднимала голову, спрашивала и ждала ответа. – А вы здесь надолго задержитесь?

– Нет. На день или на два. Или на три. – Произнеся это, Дженифер огляделась. Они миновали парк и вышли на по-

трескавшийся тротуар в старом районе, который Дженифер видела раньше. Небольшой американский городок. По сравнению с городами Южной Флориды он казался вымершим. Слишком скучный и простецкий для человека вроде Ника Ноубла. Этим он ей и понравился.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала наконец Луиза, останавливаясь перед одним из крошечных домиков, который располагался в двух кварталах от парка. Этот дом и еще два соседних были недавно покрашены и содержались в порядке. Луиза заковыляла к двери.

– Спасибо, Дорис. Надеюсь, тебе понравится у нас в Боулдер-Сити. Это прекрасный городок, – сказала Луиза.

Алиса поглядела на Дженифер, ее хвост пару раз вильнул туда-сюда. И они обе исчезли внутри дома.

Дженифер пошла назад, крутя над головой зонтиком. Добравшись до «Консервной банки», она увидела, что там прибавилось народу, а на окне появилось объявление, которого, она была уверена, раньше не было. «Нужна помощь».

Она подошла к стойке и протянула зонт Базу.

– Я довела ее до дому. Упрямая старушка, правда?

– Она любит ходить пешком. Говорит, что это помогает ей поддерживать силы. Я думаю, ей около восьмидесяти, и она уже тридцать лет завтракает здесь.

– В какой конкретно помощи вы нуждаетесь? – спросила девушка. Ее саму удивил этот вопрос.

– Во всем понемногу, – ответил Баз, пожав плечами. –

Утром в будние дни в этой закуской бывает мало народу. Я могу справиться и сам, но лучше, если у меня будет постоянный помощник. Надо будет подавать еду, мыть посуду, подметать пол. Если будет много народу, мне придется обратиться к помощи двух других официанток, но они могут не согласиться. Вы же знаете этих... официанток.

Дженифер огляделась и, убедившись, что их никто не подслушивает, спросила:

– Вам конечно же нужны рекомендации?

– Можно обойтись и без них, – сказал Баз. – Похоже, вас это заинтересовало.

– Я... э... в общем-то ищу работу. Я работала официанткой, но уже давно – когда была подростком.

– За прошедшие годы мало что изменилось. Я плачу по минимуму, вы обслуживаете свои столики, получаете чаевые, делите их с другими девушками, когда работаете вместе, и можете бесплатно питаться во время своей смены или когда отдыхаете. Мне нужен человек, который приходил бы к открытию, к пяти часам утра. Это очень рано.

– Я люблю рано вставать.

– Я полагаю, у вас нет удостоверения личности?

– Я... э... – Она покачала головой. – Нет.

– А имя у вас есть?

– Дорис.

– Ну хорошо, Дорис. Увидимся завтра утром в пять.

Дженифер улыбнулась, хотя внутренний голос спросил ее:

чему ты, черт возьми, улыбаешься? Ник сейчас, наверное, рвет в ярости на кусочки твой пеньюар от Веры Ванг, а ты соглашаешься работать в паршивой забегаловке за минимальную оплату!

Но это будет честная работа, подумала она, и никто не потребует от нее любви. Особенно теперь, когда голова у нее бритая, а сама она носит мужскую одежду. Зато она сможет растянуть подольше деньги, хранившиеся в ее рюкзаке, и у нее будет время подумать о том, как жить дальше. В конце концов, в этой закуской чисто, тепло и безопасно, сюда ходят приличные люди, а ей сейчас надо быть предельно осторожной. Кроме того, Ник Ноубл ни за что не догадается искать ее в этом скучном городишке, в двадцати милях от Лас-Вегаса.

Она поживет здесь немного. Дженифер не знала, что станет делать потом, но была уверена в одном – роскошного дома с живописным видом на океан у нее больше не будет. Все это в далеком прошлом, если, конечно, она опять не найдет себе богатенького старикашку. Впрочем, в нынешнем ее положении это было все равно что искать снег в аду.

– Да, и вот еще что, Дорис. Я советую вам поселиться в мотеле «Закат» на Карвере. Он находится недалеко, владелец берет плату за неделю и недорого, к тому же там тепло. Он не особенно роскошен, зато чист и безопасен. Но только не говорите Чарли, что это я послал вас туда. Я считаю его своим другом, но не хочу, чтобы моя новая официант-

там очень одиноко. Он любил свою работу и проводил здесь весь день – с пяти утра до девяти вечера. Баз утверждал, что дома у него в холодильнике нет никакой еды, и платил жене Адольфо, чтобы она раз в две недели убирала его комнаты и стирала белье.

Он был простым человеком и почти всех, кто заходил к нему в закусочную, считал своими друзьями, за исключением приезжих, посещавших городок в выходные дни. И еще девушка поняла, что, раз Баз взял ее под свою опеку, все окружающие приняли ее как члена своей семьи.

– Приходите на работу в субботу и в воскресенье рано утром, – сказал Баз. – Можете отсыпаться два будних дня, но, встав, приходите сюда завтракать.

– Не надо, – ответила она.

Он с притворным удивлением посмотрел на нее.

– Вы хотите сказать, что будете завтракать где-нибудь в *другом месте*?

И она не решилась отказаться. По крайней мере, сейчас.

Еда в закусочной была не слишком изысканной. Но зато качественной и дешевой. И совсем не пресной. Все – от куриной лапши до жареного мяса – имело легкий испанский привкус.

Дженифер поселилась в мотеле «Закат», которым управляла пожилая женщина по имени Розмари. Она назначила ей особую плату в 1 доллар 50 центов за неделю без обслуживания и дала понять, что делает это только ради База. Этот

мотель, несомненно, был гораздо лучше того, в котором она остановилась по приезду, но совсем не таким, к каким она привыкла. Ткань у простыней была такой грубой, что Дженифер казалось, будто она спит на соломе, а ванная комната, хоть и чистая, нуждалась в ремонте. Эта комната и в подметки не годилась номеру в Гранд-отеле МГМ, но зато в ней Дженифер чувствовала себя в безопасности.

Баз легко бы справился с работой и сам. Утром людей почти не было, и она быстро перезнакомилась почти со всеми завсегдатаями кафе. Приходило время ланча, но посетителей не прибавлялось.

После обеда Дженифер шла в библиотеку, где читала газеты, журналы и искала в Интернете сведения о Нике и Барбаре Ноубл. Но пока ей ничего не попадалось. Библиотекаряша была всего на несколько лет старше Дженифер. Она носила пластиковую карточку, на которой было написано ее имя – Мэри Клер. Увидев, что Дженифер часто заходит к ним, и узнав, что она работает в закусочной База Уайлдера, она спросила, не хочет ли та записаться. Заполняя карточку, Дженифер придумала себе фамилию Бейли. Дорис Бейли. Закончив поиски в Интернете, она взяла на дом роман.

Дженифер с детства любила читать. Вероятно, это был способ защититься от одиночества. Она забывала, что живет в доме на берегу океана по милости своего богатого дружка, и представляла, что очутилась в старом железнодорожном вагоне, стоящем в аллее. Книги помогали ей забыться, и

Дженифер давно уже научилась считать время, проведенное за чтением, небольшой передышкой в постоянной гонке за жизнью. Во все времена – и когда она была девочкой, и когда превратилась в удачливую содержанку, а потом в лысую официантку в паршивой забегаловке – книги были для нее спасением.

Возвращаясь однажды из библиотеки в мотель, с рюкзачком за спиной и бейсболкой на голове, Дженифер увидела черный лимузин, который медленно двигался по улице. Затененные окна не позволяли разглядеть тех, кто ехал в нем, но на табличке было написано «МГМ 12», и Дженифер сразу же поняла, что это одна из машин отеля. Она велела себе не останавливаться, не смотреть, никак не реагировать. Вполне возможно, что кто-то из постояльцев нанял этот лимузин, чтобы посмотреть на плотину, которая, как она слышала, представляет собой величественное зрелище.

Но вполне возможно, что кто-то, кого она слишком хорошо знала, искал именно ее.

Глава 3

Через несколько дней, когда Дженифер подметала пол в закуской, вошла официантка, которая работала после обеда. Это была старшеклассница по имени Хедда, девчушка с причудами – на ее голове торчали короткие черные волосы с пурпурными кончиками, в язык было вставлено кольцо, в нос – маленький пирсинг из горного хрусталя, а на спине, из-под джинсов с низкой талией выглядывала крупная татуировка. Хедда внимательно оглядела Дженифер с головы до ног, и ее, несомненно, красивое лицо осветила улыбка.

– Круто, – сказала она, – ты сама себя побрила или ходила куда? – спросила она, показывая на лысую голову Дженифер.

– Я... э-э... я не нуждалась ни в чьей помощи, – ответила Дженифер, стягивая шарф со своего сверкающего черепа. Ей вдруг захотелось объяснить этой девчушке, что она когда-то была очень модной особой и прекрасно знает секретарское дело и что в свободное время вполне могла бы вести бухгалтерский учет в заведении такого масштаба. И что еще она умеет танцевать танго, водить крутую тачку и быстро считать. Не говоря уж о благоприобретенной способности находить и доить богатых стариков.

– Знаешь, что сделает тебя еще круче? Татуировка. Прямо на голове. Могу дать тебе адрес хорошего художника.

– Я подумаю об этом, – ответила Дженифер. – Но я реши-

ла ради разнообразия отрастить волосы.

– Я бы не стала, – заявила Хедда. – Сейчас ты выглядишь крутой иностранкой. Настоящей иностранкой.

– Ух ты! – воскликнула Дженифер. – Я не получала такого комплимента уже не знаю сколько времени.

– Но это правда.

В первые выходные, которые она провела в Боулдер-Сити, Дженифер познакомилась с Глорией, которая обычно обслуживала посетителей по вечерам и утром в субботу. Увидев Дженифер,

Глория, которой было уже за пятьдесят, воскликнула:

– Пресвятая Богородица!

– Ты к ней привыкнешь, – закричал Баз из-за стойки. – Хедда считает, что это очень круто.

Глория покачала головой:

– И зачем вы, девушки, так уродуете себя? Почему бы вам, по крайней мере, не нарисовать себе брови? Я могу помочь.

– Спасибо, – ответила Дженифер, – я буду иметь это в виду.

У Глории был муж, прикованный к постели, поэтому она работала по гибкому графику – но Баз, по-видимому, относился к этому очень спокойно. Когда Глория работала, за ее мужем присматривала соседка, но, если она вызывала Глорию, та тут же срывалась домой, бросая все дела.

Глория была толстой, но приятной женщиной с мягкими кудряшками. Каждую неделю она укладывала свои короткие

темные волосы в салоне красоты, расположенном чуть дальше по улице, и покрывала прическу лаком, что помогало сохранить ее форму неизменной. Ее волосы всегда были уложены, а акриловые ногти покрыты ярко-красным лаком, под цвет ее губ. Глория сильно красилась и подрисовывала брови, придавая им форму высокой арки, отчего ее лицо имело удивленное выражение.

– Вам надо пользоваться косметикой, – говорила она Дженифер. – Тогда, может быть, вы не будете выглядеть такой... Ну, я не знаю... голой, что ли?

– Наверное, я не ошибусь, – заметила Дженифер, – если скажу, что зашла, наверное, слишком далеко.

– Слово «наверное» тут лишнее, дорогая, – заметила Глория.

– А вот Хедде нравится, – добавляла Дженифер.

– Хедда тоже из тех, кто бреет себе голову и любит выступать.

– Эй! – кричал Баз. – Не заводитесь. С меня хватит одной лысой головы и пурпурных волос!

Хедда сразу же подружилась с Дженифер, возможно, потому, что они обе были со странностями и имели мало тряпок из-за скудости своих средств. Хедда часто приводила с собой своего маленького брата Джоуи. Его, по-видимому, всегда оставляли на нее, поскольку их мать работала по ночам. Она была официанткой, подававшей коктейли в одном из казино, и Хедда вечером укладывала брата спать, а утром

провожала его в школу, пока мать спала.

Дженифер набрела на дом Хедды, когда гуляла по городу. Отойдя недалеко от мотеля, она вдруг оказалась в квартале, застроенном домиками на две и четыре семьи и крошечными бунгало, которые были похожи на развалюхи и нуждались в покраске и ремонте. Позади них тянулись навесы для машин, а почти все передние дворики были ужасно грязными. Девушка увидела немецкую овчарку, сидевшую на цепи у дерева перед одним из домишек, грузовик, стоявший прямо у входной двери. Перед другим домом парень чинил мотор своей машины, а перед третьим играл с игрушечным грузовиком в грязи маленький мальчик. Из двери этого бунгало вышла Хедда, перекинув через плечо сумку с книгами. Стеклопанельная дверь за ней громко захлопнулась, и Дженифер показалось, что она вернулась в прошлое.

Пятнадцать лет назад Дженифер была, наверное, такой же, как Хедда, только Хедда самовыражалась более раскованно, чем в свое время осмеливалась Дженифер. Ей с матерью часто приходилось жить в таких вот трущобах, а порой и в еще более ужасных условиях. Иногда они даже ночевали на улице. Четыре месяца они прожили в фургоне фирмы «Олдсмобиль Виста Крузер» и изредка ходили помыться в душ в Армию спасения.

Женщина с похожими на паклю волосами, одетая в потрепанный купальный халат из шотландки, открыла дверь того же домика, из которого вышла Хедда, и заорала:

– Хедда! Сколько раз я должна тебе *повторять*?

Хедда мгновенно обернулась.

– Извини, мама, – услышала Дженифер ее голос.

Хедда бросила сумку с книгами, вернулась в дом и снова вышла, неся в руке помойное ведро. Дженифер замерла на месте, наблюдая за ней. Хедда обошла дом и там, под навесами для машин, выбросила мусор в контейнер. Она поставила ведро, подхватила сумку с книгами и, заметив Дженифер, радостно заулыбалась.

– Привет, Дорис, что ты здесь делаешь?

– Иду в библиотеку и по дороге изучаю город. Я живу в «Закате», совсем недалеко отсюда.

– Да? Мы тоже жили там некоторое время. Потом нам сдали этот дом. В нем есть кухня. *Старая* кухня, но все-таки. А я иду на работу.

– С книгами?

– После обеда народу немного, и, освободившись, я делаю уроки, – сказала Хедда. – Знаешь, если тебе захочется погулять в выходные, я с удовольствием тебя подменю.

– Я буду иметь это в виду.

– Я мечтаю попасть на школьный бал, – сказала Хедда и сразу же засмущалась.

– Только мечтаешь? – переспросила Дженифер, идя вместе с ней в сторону закуской.

– Я не уверена, что смогу пойти, – ответила Хедда, глядя в землю. – Я еще не решила.

Дженифер сразу же все поняла. Ей нужны деньги. Между завтраком и ланчем работы было мало, Дженифер сама искала, чем бы заняться, чтобы не сидеть сложа руки. Перед тем как появлялась Хедда, пол в закускойной был подметен, туалет вымыт, столы и пол в нишах протерты. Готовкой и уборкой занимался в основном Адольфо. Баз получал деньги, наливал кофе и обслуживал за стойкой.

Когда около половины третьего приходила Хедда, она доливала кетчуп в бутылочки и досыпала в баночки соль, перец и сахар, а потом усаживалась в задней нише, раскладывала книги. За время своей трехчасовой смены она обслуживала человек двадцать, не больше. Глория приходила в пять, и ужин, продолжавшийся с полшестого до половины восьмого, шел своим чередом. Поужинать приходили все завсегда и заведения. Дженифер знала это, поскольку и сама несколько раз в это время заходила в закускую поесть. Народу было много только по утрам в субботу и воскресенье. Так что Хедде вряд ли удастся много накопить с ее низкой зарплатой и грошовыми чаевыми.

– Я думаю, тебе надо пойти на бал, если достанешь приличное платье, – сказала Дженифер.

– Да где ж его достанешь, – ответила Хедда.

Дженифер не знала, как долго она сумеет продержаться на своих сбережениях и зарплате официантки, но ее успокаивало, что она раньше клала деньги на счета, о которых Ник Ноубл ничего не знал. По крайней мере, пока. Она не знала,

когда сможет до них добраться, но, в отличие от Хедды, они у нее были.

Первая неделя ее работы в закусочной прошла хорошо, ее внешность никого особенно не шокировала, и завсегда-таки относились к ней дружелюбно. Каждое утро приходили Луиза с Алисой, и Дженифер с нетерпением ждала их. Ей нравилась прямая и грубоватая манера старушки вести себя, она чувствовала, что к Луизе все относятся с уважением. Приходила и соседка Луизы – стройная и элегантная Роза. Она ела немного – чай с тостом. Дженифер обожала смотреть, как общаются эти две совершенно не похожие друг на друга женщины. Луиза была невысокой, тучной, с тонкими седыми волосами, Роза была выше ростом, худая как щепка, с ярко-рыжими крашеными волосами, хотя ей уже исполнилось семьдесят.

Однажды утром, когда она работала уже вторую неделю, она услышала, как ее приветствует Марти, хозяин букинистического магазина:

– Так это вы – та самая бритая девица, о которой я много слышал?

«Вот оно, началось, – подумала Дженифер. – Разве можно стать незаметной с бритой головой?»

– Думаю, что это я, – ответила она. – Быстро же здесь разносятся новости.

– А что нам здесь еще делать? – спросил Марти и широко улыбнулся. – Слава богу, изредка появляются новые лица.

Двое местных полицейских подъехали на горных велосипедах к закусочной, поставили их на видном месте и вошли внутрь. Увидев полицейских, Дженифер сразу же занервничала, боясь, что ее опознают, но их, по-видимому, ничего, кроме завтрака, не интересовало. Толстенький коротышка, Рьян, спросил ее:

– Ну а теперь признавайся, к какой банде байкеров ты относишься?

– К банде Швинов, – ответила она, наливая ему кофе.

Его коллега и двое других посетителей рассмеялись, но Рьян покачал головой и произнес:

– Что это еще за Швин? Я не слышал о такой банде!

Дженифер познакомилась в закусочной также с ветеринаром Сэмом, судьей Мехони и девочками из салона красоты. Бегающих по утрам в парке подруг звали Мерилин и Жаннетт. Войдя в закусочную на третье утро, они уже кричали ей:

– Привет, Дорис!

Однажды в закусочную пришел красивый молодой человек, и Баз велел Дженифер подойти к нему и представиться. Молодого человека звали Алекс, и он был вторым соседом Луизы. Девушка взяла кофейник, подошла к столику и сказала:

– Здравствуйте, я – Дорис. Я каждое утро встречаю здесь вашу соседку Луизу.

– Гм, – ответил Алекс, переворачивая страницу газеты.

Дженифер налила ему кофе и продолжила:

– И Алису.

Но Алекс ничего не ответил. Он посмотрел на нее поверх газеты и нахмурился.

– Да, я лысая, – сказала Дженифер, заметив его взгляд. – Совершенно лысая. Сливки? Сахар?

Но молодой человек покачал головой и уткнулся в свою газету.

– Он отнесся ко мне совсем неприветливо, – доложила она Базу.

Дженифер часто видели гуляющей по городу в бесформенных камуфляжных штанах, рабочей рубашке, которая была ей велика, ветровке, обвязанной вокруг бедер, высоких ботинках и с неизменным рюкзаком на спине. Она ходила из закусочной в мотель, оттуда в библиотеку и в парк и назад в закусочную. Гуляя, девушка была очень внимательной, так как опасалась, как бы не появился тот черный лимузин. Но его не было.

Погода стояла прохладная и облачная, время от времени шел дождь, поэтому большую часть времени Дженифер проводила в мотеле за чтением книг. Она вставала очень рано – в половине пятого, поэтому ложилась спать в восемь или в девять часов.

Однажды она покинула «Закат» в то время, когда ей надо было ложиться спать, и рискнула зайти в закусочную поужи-

нать. Она собиралась съесть кусочек пирога и выпить кофе. В закуской было пусто. На табурете у стойки сидела Глория, а напротив нее стоял Баз. Адольфо сидел в своей нише в дальнем углу, разложив на столе газету.

– Я думала, вам надоедает торчать здесь целый день, – удивилась Глория.

– Я вспомнила о яблочном пироге, – сказала Дженифер. – И еще в комнате мотеля нет телевизора.

– Я собирался завести здесь телевизор, – произнес Баз. – Но тогда Глорию от него не оторвешь.

– Возможно. Садитесь здесь, девочка. Баз, дай девочке чашку.

– Вы когда-нибудь бываете дома, Баз? – спросила Дженифер, забираясь на табурет.

– Эта старая забегаловка мне дороже родного дома, – ответил он, подавая ей чашку. Он налил кофе Дженифер и Глории, затем вытащил из кармана серебряную фляжку и наклонил ее над чашкой Дженифер. Она отрицательно покачала головой, но Глория постучала по ее чашке ложечкой.

– А, – сказала Дженифер, все поняв. – Бесплатное угощение.

– Вроде того, – согласилась Глория.

– Я обычно ужинаю со своей семьей, – сообщил ей Адольфо из дальнего угла. – Моя Кармел готовит лучше меня. Мы ужинаем рано, и я обычно возвращаюсь сюда на ночь. Но сеньор Баз справляется и без меня, если мне нужно остаться

дома. Он не хочет, чтобы об этом знали, но он и сам умеет неплохо готовить.

– Дела у нас идут недурно, – произнес Баз. – Мне здесь нравится. Всегда нравилось. Хотите мороженого к этому пирогу?

– Хочу, – ответила Дженифер.

Она так увлеклась едой, что не расслышала, как кто-то тихонько постучал в заднюю дверь. Адольфо пошел посмотреть, кто там. Приоткрыв дверь, он увидел человека в старой заношенной куртке и крикнул:

– Сеньор Баз, к вам пришли.

– Впусти его, Адольфо. Я уже все приготовил.

Баз ушел на кухню и вернулся с миской, над которой поднимался пар, и с корзиночкой булочек, а Адольфо ввел в закусную оборванного старика. Старик весь зарос щетиной и так шаркал ногами, словно они были связаны веревкой. Он молча уселся в конце стойки, и Баз поставил перед ним суп и булочки. Потом налил ему чашку кофе, щедро добавив в него сливок.

Единственным человеком, который не понимал, что происходит, была Дженифер, которая, поедая свой пирог, уголком глаза наблюдала за стариком.

Адольфо вышел из раздевалки в пальто и шляпе и попрощался с Базом, Глорией и Дженифер.

Пока Баз был занят на кухне, Глория рассказала Дженифер о своем муже Хармоне, которого четыре года назад хва-

тил удар. Она нашла его полумертвым на полу в гараже. Ему каким-то образом удалось выкарабкаться, но он стал совершенным инвалидом. Он почти ничего не говорит, но она научилась говорить за него.

– По правде говоря, работа помогает мне отвлечься, – сказала толстуха. – Вы даже не догадываетесь, как тяжело ухаживать за инвалидом. И в моральном смысле тоже.

Человек, сидевший в конце стола, встал и ушел, не сказав ни слова, не поблагодарив База и ни с кем не попрощавшись.

– Он что, бездомный? – спросила Дженифер Глорию.

– О нет, бог мой. Он живет в двух кварталах отсюда. Вдонец. Мы его не часто видим, но Баз всегда ему напоминает, что в конце дня в закусочной у него остается еда, которую он все равно выбросит. Иногда он заходит и съедает то, что осталось. – Глория встала и унесла посуду, из которой ел старик. – Чаевых он не дает, – засмеялась она.

В последующие две недели Дженифер узнала о закусочной то, что не бросилось ей в глаза сразу. Особенно о Базе. У него, похоже, были постоянные клиенты из числа голодных, которые нуждались в бесплатном куске хлеба. Однажды Дженифер заметила, как Баз налил в кофе одному из таких завсегдатаев коньяку из своей фляжки.

– Я не ошиблась, вы только что угостили этого человека коньяком?

– Он в этом нуждался, – ответил Баз, демонстрируя всем своим видом, что не желает обсуждать эту тему.

Она узнала также, что у База была своя служба доставки еды на дом. Часто он уходил из закуской, взяв с собой пакет с едой. Или просил Адольфо или Хедду, когда они кончали работу и уходили домой, занести по дороге кое-что для мисс Смит или мисс Хэддок. Делалось это от случая к случаю, но у База в голове, вероятно, имелся определенный график доставки пиццы нуждающимся. Он, похоже, знал, когда и кому потребуется его помощь.

В субботу утром, около девяти часов, закусочная была битком набита народом, и Хедда носилась как угорелая по залу. Дженифер уже научилась быстро обслуживать посетителей, но все равно до быстроты и точности Хедды ей было далеко.

– Не волнуйся, – успокаивала ее Хедда. – Ты работаешь хорошо, а я всегда могу тебя подстраховать.

Накладывая на тарелки сосиски, поджаренные на гриле, Хедда переключила радио на станцию, которая передавала буги-вуги.

– О Матерь Божья, – простонал Баз.

В маленькую закусочную ворвалась песня Ашера, и Хедда воскликнула:

– О, е!

Положив на одну руку две тарелки с сосисками, завтраком и держа в другой руке кофейник, она сделала два шага вбок в ритме хип-хопа. Широким жестом она поставила тарелки на

стол, рывком, который совпадал с ритмом ударных, налила кофе и отпрыгнула от стола, возвращаясь к стойке.

Один посетитель начал отбивать на столе ритм руками, другой застучал ложечкой по блюдцу. Приободренная этим, Хедда, танцуя, стала убирать со столов тарелки. Дженифер, которая всегда любила танцевать, не смогла удержаться и присоединилась к Хедде, двигаясь в ритме танца от стола к нише и от ниши к столу, подхватывая по пути тарелки. Потом отскочила назад и закружилась, как это делала Хедда.

Пока официантки прыгали и скользили по залу, посетители с энтузиазмом отбивали ритм. Песня продолжалась минуты три, не больше, и, когда она закончилась, девушки поклонились и расхохотались. Небольшая аудитория зааплодировала.

– Ты хорошо танцуешь, Дорис, – сказала Хедда, а потом шепнула: – Как ты думаешь, кто-нибудь из этих хмырей подкинет нам лишний доллар?

В конце смены они подсчитали чаевые и разделили их. Улов был хорош – лицо Хедды светилось радостью, когда она засовывала в карман шестьдесят долларов.

– Да, пожалуй, я попаду на этот бал, – сказала она. – Мой дружок Макс говорит, что возьмет у старшего брата машину на всю ночь, чтобы отвезти меня туда.

– Вот, держи, – сказала Дженифер, протягивая ей двадцать долларов. – Ты работаешь в два раза быстрее, чем я.

– Нет, я не возьму, – отказалась Хедда. – Договорились

пополам, значит, пополам. Кроме того, народу сегодня было больше, чем обычно. И я думаю, что нам добавили за танец.

– Да, наш оркестр не подкачал, – засмеялась Дженифер.

– Хедда, – раздался вдруг резкий женский голос.

Обе девушки обернулись и увидели мать Хедды, которая стояла в дверях, держа за руку семилетнего мальчика. Дженифер узнала ее не сразу – с того дня, когда она видела ее у двери в бунгало, ее внешний вид изменился к лучшему. Но этот резкий тон нельзя было спутать ни с чем; Дженифер поразило, что эта женщина была ее ровесницей – ну, может быть, на год младше или старше ее, должно быть, родила Хедду еще подростком. Это была довольно привлекательная блондинка, только немного бледная. Ее сильно портило выражение вечного недовольства на лице – улыбка сделала бы ее красивее.

– Ты *ничего* не забыла? – спросила она.

– Иду, мама. Мама, познакомься, это Дорис – наша новая официантка. Дорис, это моя мама, Сильвия.

– Привет, – коротко бросила Сильвия. – Хедда, из-за твоей болтовни я опоздаю на работу.

– Извини, мама. Я только налью Джоуи содовой воды и потом отведу его домой. – Хедда наклонилась к брату. – Чего тебе больше всего хочется, дружок? Вишневым кока-колы?

– Да! – сказал он, залезая на табурет.

– Хедда, выйдем-ка на минутку, мне надо с тобой поговорить, – сказала Сильвия и, повернувшись, направилась к

двери.

– Иди, я налью мальчику кока-колы, – сказала Дженифер. – Приятно было с вами познакомиться, – крикнула она вслед Сильвии.

Сильвия обернулась и кивнула, но было видно, что она думает о другом. Опаздывает на работу, решила Дженифер. Она видела в окно, выходящее на улицу, как мать что-то говорит Хедде. Затем Хедда сунула руку в карман, вытащила свои чаевые и протянула матери две двадчатки. Но Сильвия не убрала руку, и Хедда отдала ей все, что у нее было.

У Дженифер сжалось сердце. Она надеялась, что Сильвия поцелует дочь, обнимет ее или как-нибудь по-другому продемонстрирует свою благодарность – ну, хотя бы улыбнется, – но Сильвия просто ушла, и сердце Дженифер упало.

Хедда немного постояла, глядя вслед матери. В закусокную она вернулась погрузневшей, но, к ее чести, не повесила носа. И никому не сказала, что отдала матери все свои деньги.

В мотеле «Закат» были стиральная машина и сушилка, в которую надо было бросать монеты. Дженифер надела хлопчатобумажный костюм, самую первую вещь, которую она купила после бегства из отеля МГМ, и постирала одежду и простыни. Ничто не давало ей большего ощущения роскоши – даже в своем форт-лодердейлском домике, – чем чистые простыни.

Лежа в кровати, пахнувшей свежестью, и готовясь безмятежно уснуть, она слышала звуки, доносившиеся из-за тонких стен. У кого-то орало радио, из другого номера доносились голоса молодых людей. Иногда из окна доносились сигналы машин, рев двигателей и звук скейтборда, проносающегося мимо ее комнаты, который нельзя было спутать ни с чем.

«Что я здесь делаю?» – в сотый раз спрашивала она себя. Она много раз представляла себе свое будущее, но воображение никогда не заносило ее так далеко. Она думала о том, чтобы создать агентство по торговле недвижимостью или туристическое агентство.

Девушка не расстраивалась из-за того, что оставила в отеле все свои дорогие наряды, не тосковала она и по частым посещениям дорогих салонов красоты и курортов. Она не хотела всю свою жизнь быть подружкой богатых развратников, более того, чем раньше она с ними порвет, тем лучше. Но она никогда не думала о том, что вернется в те суровые жизненные условия, в которых прошли ее детство и юность.

Время летело быстро. Дженифер проработала в закусочной уже почти четыре недели. Ник, очевидно, оставил надежду найти ее. Она каждый день боялась увидеть машину с его шофером, медленно проезжающую по улице. Но машины не было, и Дженифер решила, что Ник вернулся во Флориду и, возможно, ищет ее там, где осталось все ее имущество. А здесь, в Неваде, он, может быть, поручил местной полиции

найти ее?

Дженифер сказала себе — *потерпи*. Надо жить одним днем. Потом она придумает, как забрать свои сбережения и начать новую жизнь – заняться недвижимостью или создать туристическую фирму.

Перед тем как погрузиться в сон, Дженифер подумала, что в ее нынешней жизни есть много приятного. Приносить Луизе завтрак, а Алисе – печенье. Танцевать между столиками с Хеддой. Смотреть, как Баз заботится о соседях.

То, что ей приходилось ходить лысой, носить одежду из армейского магазина или питаться мясом по-мексикански, ее совершенно не волновало...

Глава 4

Дженифер наблюдала, как Луиза Барстоу осторожно ковыляет по разбитому тротуару, передвигая вперед сначала одну согнутую ногу, потом другую и опираясь скрюченными пальцами на палки, помогавшие ей держаться прямо. Ее седые волосы при каждом шаге медленно взлетали и опускались. Несомненно, ей было очень тяжело, но она говорила Дженифер, что если не будет как можно больше ходить, не обращая внимания на боль в суставах, то вскоре уже не сможет встать с постели. Ей предлагали ездить на скутере или в инвалидной коляске, но она отказалась.

– Я и так слишком быстро разрушаюсь, – сказала она. – Я видела своих ровесников, которые ездят в коляске, и знаю, во что они превратились. Они перестали ходить и угасают еще быстрее, чем я.

Для женщины восьмидесяти лет с сильным артритом она держалась очень хорошо. Рядом с ней, почти такая же старая и медлительная, шла Алиса. Собаке было четырнадцать лет, а для ее породы это очень много. Дженифер восхищалась ими обеими и думала о том, будет ли у нее в таком возрасте столько сил. Впрочем, вряд ли она вообще *доживет* до такого возраста.

Луиза раньше была преподавателем, профессором колледжа и приезжала в Лас-Вегас по работе, а Баз был единствен-

ным человеком в городе, закусочная которого открывалась в пять утра.

– Но я уже больше не преподаю, – сказала она как-то Дженифер. – Сначала после смерти моего мужа, Гарри, я ходила к Базу ради общения с людьми, потом стала ходить ради того, чтобы двигаться, а теперь это уже вопрос выживания. Но по утрам я уже не соскакиваю с постели.

Когда Луиза наконец дошла до кафе, Дженифер открыла ей дверь.

– Доброе утро, мадам профессор, – сказала она. Лицо Луизы сразу же засияло, и Дженифер поняла, что ей нравится, когда ее так называют. – Две палки свидетельствуют о том, что вам сегодня удалось укротить свой артрит, – заметила девушка.

– Ха. Это вы так думаете. Просто я сегодня особенно расхрабрилась.

– Так я и поняла. – Дженифер поставила миску с водой перед Алисой на тротуаре, а Луиза вошла в закусочную и уселась за стол.

Утром Дженифер всегда с нетерпением ждала, когда придут Луиза с Алисой.

– У тебя из-под кожи выпирают кости, Дорис, – сказала Луиза сразу же после знакомства. И она всегда задавала прямые вопросы, спрашивая о том, о чем Дженифер не хотелось говорить. Вопросы вроде – откуда ты родом и кто твои родители?

Дженифер призналась, что родилась на Среднем Западе, что почти соответствовало истине. Ее дед с бабушкой всю свою жизнь прожили в Огайо, а Дженифер с матерью постоянно переезжали с места на место. И еще она сказала, что, к сожалению, родственников у нее никого не осталось.

Она принесла Луизе чаю.

– Вот ваш чай. Что вы будете сегодня на завтрак?

– Не знаю, – ответила Луиза. – Я не хочу есть.

– Аппетит приходит во время еды. Вам надо хорошо питаться.

– Вдовы обычно пропускают завтрак или обед или перекусывают на ходу. Разве тебе не известно об этом, Дорис? Впрочем, к Розе, моей соседке, это не относится. Она в свои семьдесят прекрасно себя чувствует и каждый вечер готовит нормальный ужин и съедает его, сидя за столом. Но Роза ведь никогда не была замужем, и это сказывается.

– Почему?

– Я не знаю. Замужество отнимает много сил. А когда твой старикан умирает, исчезает и последний повод готовить обеда и ужины. Но *перед* тем, как я вышла замуж, я никогда не перекусывала на ходу. – Она фыркнула: – Меня выдали замуж в семь лет.

– В семь лет? Слишком рано. Вы что, родились в семье бродяг?

– Кого-кого?

– Тех цыган, которые выдают своих дочерей замуж еще до

того, как они окончат начальную школу.

– Ты слишком много знаешь, Дорис, для байкерши.

Дженифер рассмеялась.

– Я люблю читать журналы – например, «60 минут». Что вы скажете, если я принесу вам яйца и фрукты?

– Прекрасно. Ты ведь здесь уже около месяца, Дорис?

– Вроде того. А тост из цельных зерен вам принести?

– Только без масла. Тебе, должно быть, понравилось у нас в Боулдер-Сити, иначе ты бы давно уже уехала. По крайней мере, в поисках работы получше.

– Ну что вы, доктор Барстоу, – лучшего мне не надо!

Дженифер нравилось смотреть, как светлеет лицо Луизы, когда она называет ее доктором. Услышав это в первый раз, Луиза так прямо и сказала, что ей нравится, когда ее так величают. В конце концов, она получила академическое звание в ту пору, когда женщин еще неохотно принимали в ученой среде.

– Базу повезло, что вы к нему ходите. Вы должны сказать ему, чтобы он называл вас доктором дважды в день.

Старушка не переставала удивлять Дженифер. С одной стороны, она была очень наблюдательна. Когда в закусочной впервые появились полицейские и Дженифер постаралась не попадаться им на глаза, Луиза сказала:

– Если ты будешь так себя вести, они сразу поймут, что ты не хочешь, чтобы тебя узнали. Смотри им прямо в глаза – это сбивает их с толку.

Пораженная Дженифер спросила:

– Вы хотите сказать, что они такие простофили?

Луиза пожала плечами.

– У них здесь, в Боулдер-Сити, не особенно много работы, Дорис.

Луиза стала советовать Дженифер, какие книги прочитать, и та каждый день ходила в библиотеку, проглатывая одну книгу за другой. За месяц она прочитала всю Джо Эн Мэнсон, Элис Хофман и Александра Маккола Смита. Луиза включила в список и несколько научных изданий – «Женщины и американский опыт» для начинающих. Чтобы осилить эту книгу, Дженифер потребовалось несколько дней.

Дженифер положила рядом с Алисой собачье печенье, погладила ее и пошла вымыть руки. После этого она отнесла Луизе тост и фрукты.

– Дорис, я вижу, что у тебя уже немного отросли волосы. Интересно, какого цвета они были. Они темнее, чем я себе представляла.

– Они темнее, чем я *помню*, – рассмеялась Дженифер. – Скорее всего, я остригу их, как только они станут длиннее дюйма.

– Ей-богу, не знаю, о чем ты думала, когда остриглась на ого.

– Я думала, что это будет круто. Смело, не похоже на то, что было.

Луиза в удивлении подняла брови.

– Неужели ты так считала?

– Да, – ответила Дженифер.

– К сожалению, с бритой головой ты была похожа на убийцу, но теперь, с этими короткими волосами, ты выглядишь гораздо лучше. – Она протянула узловатую руку и погладила Дженифер по голове. – Хочу сказать тебе, что, когда ты улыбаешься, твое лицо совершенно преобразается. И твоя улыбка не соответствует твоему виду – пирсингу и армейской одежде. Впрочем, я никогда не разбиралась в моде. – Тут Луиза внезапно переменяла тему: – Еще не поздно сделать овощной омлет? Взамен яиц?

– Нет, не поздно. Я же говорила, что аппетит приходит во время еды. Сейчас распоряжусь, – сказала Дженифер, передавая листок с заказом Адольфо. – И после этого, словно это было в порядке вещей, подошла к столику Луизы и заявила: – Я закончила читать «Женские сезоны». Что вы мне еще посоветуете? Сегодня я иду в библиотеку сдавать книгу.

– Гм. Ты читала «Дар моря»?

– Нет, не думаю. Я всегда любила читать, но у меня не было времени. А здесь других дел у меня нет, и я могу читать.

– Да, это скучный городишко, – сказала Луиза.

– Нет, я не это хотела сказать. Там, где я живу, нет телевизора, и сначала я думала, что умру от скуки, но теперь мне это даже нравится. Это приятная перемена.

– Перемена чего? – решила спросить Луиза.

– Когда-нибудь я расскажу вам о своей жизни, но сейчас

мне надо заняться работой. – Она улыбнулась и ушла, ничего не сообщив Луизе. И это в который уже раз.

Дженифер принесла Луизе горячей воды, а потом пошла проверить, как там Алиса. Ей нравилось гладить голову и шею старой собаки. Алиса благодарно мычала. Убедившись, что воды у собаки много и что под навесом закусочной не очень жарко, она вошла в зал. Обернувшись, Дженифер заметила, что Луиза наблюдает за ней, слегка нахмутив брови.

– Я хотела посмотреть, хорошо ли там Алисе. И достаточно ли ей воды.

– Тебе нравится Алиса, правда?

– А что в ней может не нравиться? Это отличная собака. И я думаю, что после вас она больше всех любит меня. – Дженифер снова улыбнулась.

– Я всегда держала собак. Иногда нескольких. Это создавало определенные неудобства, когда мне приходилось много ездить, но я люблю животных. И я считаю, что те, кто не любят собак, – холодные и нетерпимые люди. Я думаю, что у тебя любящее сердце. Я ведь права?

– Надеюсь, мадам профессор.

– А ты знаешь, что я всю свою жизнь изучала женщин и их проблемы? Моя диссертация была посвящена женскому вопросу, и нет на земле такой женщины, которая показалась бы мне неинтересной. А ты, Дорис, одна из самых интригующих.

– Я? Фу. Если бы вы лучше меня знали, то поняли бы,

какая я скучная. Давайте-ка я лучше принесу вам омлет.

Дженифер занялась делом – она насыпала сахар в сахарницы и долила в кувшинчик сливки, подмела пол за стойкой и собрала бутылочки из-под кетчупа, наполнив их до краев. Когда время завтрака закончилось, Луиза спросила Дженифер, может ли она ненадолго прерваться.

– Я хотела бы с тобой поговорить.

– Конечно, – ответила девушка, усаживаясь напротив.

– Нет. Пройдись немного со мной. Баз не будет возражать.

– Тогда подождите меня минуточку, – сказала Дженифер.

Она поговорила с Базом, достала свой рюкзачок и просунула руки в лямки.

На улице Луиза сказала:

– Не знаю, что у тебя в этом рюкзаке, но ты с ним никогда не расстнешься.

– Да, это так. Я не могу оставить его, потому что... Потому что путешествую налегке и всегда ношу все необходимое с собой.

– И надолго ты решила здесь задержаться, Дорис?

Дженифер рассмеялась и даже слегка фыркнула:

– Разве я могу бросить прекрасную работу в «Консервной банке»? – И добавила: – Я не думала, что окажусь здесь, но мне понравился ваш городок. Мне нравится, что здесь почти нет ночной жизни.

– Странно, что женщине твоего возраста это нравится. Но если ты собираешься остаться, у меня есть к тебе предложе-

ние. Каждую весну я езжу в Англию и возвращаюсь осенью. Там мой сын, Руди. Я хочу побыть рядом с ним, и, кроме того, мне, как заслуженному профессору в отставке, предоставляют в Оксфорде определенные льготы. Я изучаю культуру, женскую литературу и женские проблемы. Я давно уже работаю над учебником.

Дженифер издала непривычный для нее звук. Это был вздох. Вздох желания. И голос ее стал беспомощным и мягким.

– Пожалуйста, скажите, что вы хотите, чтобы я поехала с вами и носила за вами ваши книги.

– К сожалению, я этого не скажу. Но сиделка, выгуливающая собаку, на которую я обычно оставляю дом и Алису, на этот раз меня огорчила – она не сможет мне помочь. Ты же хорошо знаешь, что Алису нельзя оставлять одну и нельзя держать в конуре. С каждым разом мне все труднее и труднее покидать ее. Она ведь уже совсем старая, моя Алиса.

У Дженифер перехватило дыхание, и Луиза это заметила. Дженифер догадалась, о чем та собирается ее попросить, и молила Бога, чтобы это произошло. В конце концов, нельзя же все время жить в мотеле «Закат».

– Мне нужна женщина, которая присмотрела бы за моим домом. На пять-шесть месяцев.

– Вы хотите, чтобы этой женщиной была я? – с надеждой спросила Дженифер.

– Помимо присмотра за домом, надо будет готовить еду,

убирать, ухаживать за собакой и регулярно выводить ее. Я буду платить тебе небольшую стипендию.

– Стипендию? – спросила Дженифер, слегка задыхаясь.

– Но есть одно условие, Дорис. – Луиза остановилась и посмотрела на нее. – С отросшими волосами ты выглядишь гораздо лучше. – Она прочистила горло. – Я хочу, чтобы ты рассказала мне обо всем, что скрываешь.

Дженифер разочарованно выдохнула, отрицательно покачав головой. Ей и в голову не пришло, что это уже само по себе говорило о том, что ей есть что скрывать.

– Я ничего не скрываю, – сказала она.

– Нет, скрываешь. Меня не особенно интересует *что*, если ты, конечно, не любительница душить маленьких старых леди. – Сказав это, она хмыкнула. – Я хорошо знаю женщин, Дорис, и я прекрасно понимаю, как жесток бывает к ним мир. И еще я умею хранить тайны. Но может быть, твоя проблема окажется слишком сложной для меня. Пожалуй-ста, пойми, я не могу оставить на тебя свои вещи и своего лучшего друга, не зная, от кого ты прячешься в Боулдер-Сити.

Дженифер немного подумала, но быстро решила, что Луизе можно открыться. Старушке было восемьдесят лет, и она была не болтлива. Если и можно кому-то довериться в этом городе, то только ей.

– Только, если вы расскажете кому-нибудь, мне будет очень, очень плохо, – предупредила девушка.

– У меня нет причин раскрывать твои тайны. Но я должна знать их.

– Я прячусь от мужчины. Он был жесток. Он... – Дженифер сделала глубокий вдох. – Он угрожал убить меня, если я от него уйду.

– Ты думаешь, он тебя ищет?

– Думаю, да – но мне кажется, что Боулдер-Сити – это последнее место, где он будет меня искать.

– Почему?

– Потому что это очень тихий городок. Никаких игорных домов, никакой ночной жизни, словом, скучища. А он думает, что я не могу жить без развлечений. Он, вероятно, решил, что я убежала в Лос-Анджелес или Нью-Йорк, поскольку я умру со скуки в городишке, полном... – Неожиданно она замолчала.

– Полном маленьких старых леди и их дряхлых собак?
Дженифер прикусила губу.

– Он думает, что мне нужны развлечения, которых здесь нет, доктор.

– Ну хорошо, хорошо, остановимся пока на этом. Я думаю, ты мне не все открыла, но, может быть, позже, когда ты станешь мне больше доверять, расскажешь поподробнее. Возможно, я сумею тебе чем-нибудь помочь. У меня богатый опыт в таких делах. Я ведь помогла открыть в Лас-Вегасе приют для женщин и девушек. Любая женщина может обратиться туда за помощью, если она не наркоманка.

– Но мне и здесь хорошо. Пока, – сказала Дженифер, ее голос прозвучал неуверенно. – Но что, если... Если мне придется отсюда бежать? Что будет с Алисой?

– В крайнем случае за ней присмотрят соседи. Ты ведь не пользуешься кредитной карточкой и не звонишь по междугородному телефону друзьям или родственникам, правда?

Наступило долгое молчание.

– Нет, – наконец ответила Дженифер. – У меня нет ни тех ни других. – В ее голосе, против ее желания, прозвучала грусть – она поняла, что, хотя у нее и водились богатые поклонники, близких людей у нее не было. – И я знаю, что надо делать, чтобы стать невидимкой.

– Тогда тебя никто не найдет. Итак, что ты скажешь мне, Дорис? Сможешь ли ты мне помочь?

– Да, – ответила Дженифер, и на лице ее вспыхнула сердечная улыбка. – Наверное, смогу.

– Отлично. Приходи как-нибудь ко мне и осмотришься. Я покажу тебе, как работать с компьютером, и ты будешь посылать мне письма по электронной почте. С одной стороны от меня живет Роза, а с другой – Алекс и... – Луиза замолчала, увидев, что выражение лица Дженифер неожиданно изменилось. – В чем дело, дорогая?

– Этот Алекс смотрит на меня так, как будто я хочу залезть к нему в карман.

– Не обращай внимания – он не всегда такой мрачный. Пройдет время, и он станет относиться к тебе по-другому.

А Роза... впрочем, не буду даже пытаться объяснить тебе, что такое Роза. Я уезжаю на следующей неделе. Мне нужен человек, который позаботится об Алисе, а вы с ней прекрасно ладите. Вот так. Не могу сказать тебе, как я рада, что ты согласилась.

– А вы уверены, что вашим соседям это понравится?

– Абсолютно. Спасибо, что согласилась.

– Ну хорошо, – сказала Дженифер, пытаюсь скрыть охватившее ее чувство облегчения и радости. – У меня ведь нет никаких других занятий.

– Ну а мне с тобой крупно повезло, – заметила Луиза. – Только знаешь что, Дорис. Если кто-нибудь заглянет в закусокную и будет вести себя так, будто разыскивает тебя, не улыбайся. Твоя улыбка незабываема.

Луиза жила в крошечном кирпичном домике, который вот уже тридцать лет был ее собственностью. Он стоял в ряду таких же домов, построенных из кирпича разного оттенка, обшитых досками или покрашенными. В нескольких кварталах от него проходила главная улица с магазинами, которые посещали туристы. Несколько лет назад сзади к дому была пристроена веранда, чтобы Луиза могла работать здесь в хорошую погоду, которая была обычным явлением в Неваде. При домах не было гаражей, но Луиза и ее соседи построили отдельно стоящие гаражи, которые выходили на аллею и оставляли свободным доступ к задним дверям домов. Дво-

рик Луизы был маленьким, но, благодаря стараниям Алекса, который приводил его в порядок, ухоженным.

Луиза сидела на веранде за компьютером, водрузив на носочки. На полу рядом с ее стулом громоздилась стопка книг. Она услышала, как открылась и закрылась входная дверь. Тут же в проеме двери, ведущей на веранду, появилась Роза.

– Не знаю, зачем ты дала мне ключ, – сказала она. – Ведь ты никогда не запираешь дверь.

– Так же, как и ты.

– Я приучаю себя запираяться, когда ложусь ночью спать. Я делаю это два или три раза в неделю.

Роза была выше Луизы, как, впрочем, почти всех остальных, и прямая как палка. Свое лицо она называла пикантным, а волосы красила в ярко-рыжий цвет. Раз в три недели она специально ездила в Лас-Вегас, чтобы покрасить их. Бедра у нее были стройные, а зубы сильные, прямые и белые. Она очень следила за собой и не страдала от болезней, догнавших Луизу.

Роза всегда одевалась по последней моде. Сегодня на ней была черная длинная юбка и серые сапоги из змеиной кожи, на тонком каблуке и с очень острым носом. Поверх ее черного джемпера с воротником «хомут» было наброшено яркое оранжевое пончо, которое прекрасно гармонировало с ее рыжими волосами. Губная помада была подобрана под цвет пончо, а на шее и запястьях сверкали золотые цепи.

Луиза подняла очки и посмотрела на ноги Розы.

– Как ты ходишь на таких каблуках?

– Я в них очень хорошо выгляжу, вот как. Скажи мне, что ты этого не сделаешь, – потребовала Роза. – Не пригласишь эту бритую девицу пожить в твоём доме.

Луиза глянула на нее поверх очков:

– Вы с Дорис прекрасно поладите. Ей, несомненно, нужна поддержка и совет женщины постарше. – Она сняла очки. – И она уже больше не бритая. У нее отросли волосы. И она довольно красивая... даже в этом странном мужском костюме, который всегда носит.

– Фу, – сказала Роза. – Да она ограбит тебя до нитки и ночью сбежит.

– Если она захочет сбежать ночью, то сможет взять только то, что поместится в ее рюкзаке. У нее ведь даже нет машины.

– Как ты можешь ей доверять?

– Она уже несколько недель работает у База, он не может сказать, чтобы она у него что-нибудь украла. Если бы он недосчитался хотя бы полушки, то тут же бы выгнал ее.

– Фу.

Роза повернулась и вошла в дом. Через секунду она вернулась со стаканом ледяного чая, который налила себе из бутылки, стоявшей в холодильнике Луизы. Она опустилась на плетеный стул, стоявший напротив рабочего стола Луизы. Обладая ростом около ста шестидесяти сантиметров, Роза всегда носила каблуки, чтобы казаться выше, и благодаря ее

стройным формам казалось, что у нее очень длинные ноги и руки.

– Что ты ей сказала?

– Что женщина, которая обычно присматривает за домом, в этом году занята.

– Но когда ты уезжаешь, мы с Алексом обычно берем Алису к себе!

– Алисе будет лучше всего дома. Кроме того, Дорис нужно где-то жить, а мне будет спокойнее, если она будет жить здесь.

– Какая чушь! Пусть сама ищет себе жилье.

– Она, вероятно, попала в беду. Но, если ты осмелишься сказать ей, что я решила ей помочь, я спущу с тебя шкуру.

– Алекс тоже будет недоволен, – предсказала Роза.

– Я с ним поговорю, – сказала Луиза. Алексу нечего совать сюда свой нос. Но поскольку он все равно его сунет, то, может быть, сумеет помочь Дорис, подумала она. Роза с Луизой любили Алекса. Алексу было всего тридцать пять лет, и он заботился о своих соседках-старушках. Он ругал соседок за то, что они открывают дверь незнакомым людям, не запирают их, уходя из дома, что сообщают о себе слишком много сведений по телефону и вообще ведут себя неосторожно. Роза была права – Алексу не понравится, что она пустила к себе в дом Дорис. Но ему придется это пережить.

– А я-то надеялась, что в этом году ты никуда не поедешь, – сказала Роза.

– С чего это вдруг? Я люблю свои ежегодные поездки.

– Но ведь они становятся все тяжелее для тебя.

– И не говори. Только подумаю о перелете через океан, как ноги начинают дрожать. Но я скучаю по Руди.

– В твоем возрасте эти перемены – сущее безумие, – бросила Роза. Но потом, смягчившись, добавила: – Я думала, что с возрастом ты перестанешь летать к нему.

– Я не могу отказаться от поездок, черт побери. Но должна признать, что мне трудно покидать Алису. Я всегда боюсь, что, вернувшись, уже не застану ее в живых.

– Я присмотрю за ней. Но эта девушка...

– Она хорошая. Просто немного странная. У нее все получится.

– Все равно, мне это не нравится.

– Хочешь не хочешь, а дело сделано. Я дам ей свою кредитную карточку, чтобы она покупала продукты и все, что нужно для дома, и буду платить ей сто долларов в неделю.

– Сто долларов? Ты что, с ума сошла?

– Ты считаешь, что этого мало? – спросила Луиза, подняв тонкие брови.

– Слишком много! Непомерно много! Ты оплачиваешь ей еду, все счета, бесплатно пускаешь в свой дом...

– Ей придется заботиться об Алисе и содержать этот дом в порядке. Это работа. А за работу принято платить.

– Не удивляйся, если она спалит тебе дом...

– Это при том, что ты живешь рядом и ни на минуту не

оставляешь меня в покое? Да, ты права – она сбежит отсюда, чтобы хоть какое-то время побыть в тишине!

– Тьфу, – плюнула Роза и ушла.

После обеда Луиза постучала в дверь Алекса. В это время он надевал чистую рубашку, собираясь уходить из дома.

– Здравствуйте, дорогая моя. Почему вы мне не позвонили? Я бы сам пришел.

– Мне надо размять ноги. Не мог бы ты принести в мою спальню тот большой чемодан из гаража? Но если ты торопишься, то можешь сделать это завтра.

– Я собираюсь на работу, но у меня есть время, – ответил Алекс, застегивая рубашку. – Сейчас я его принесу.

– Я наняла женщину присматривать за домом. Это Дорис – та самая молодая женщина, которая весь этот месяц работала у База.

– Девица, стриженная под уголовника, которая ходит в мужских штанах? – спросил он, нахмурился. – Что вы о ней знаете?

– Немного знаю. Она прочитала все, что я ей советовала, и при этом очень быстро. Она любит джаз. Она хочет купить себе горный велосипед – когда-то она любила кататься на велосипеде. Она опекает Хедду и относится к ней как к младшей сестре, а Хедде очень нужна поддержка. И – она обожает Алису. – Луиза тяжело оперлась обеими руками на палку. – Считай ее моей гостьей и веди себя прилично.

Алекс рассмеялся, заправляя рубашку в брюки.

– Не беспокойтесь, приставать к ней не буду, – сказал он.

Он подошел к бару, достал бумажник и укрепил на ремне кобуру с пистолетом. Алекс был полицейским детективом при отеле «Метро» в Лас-Вегасе.

– Я беспокоюсь о другом, о том, что ты попытаешься допросить ее, и просто хочу заявить тебе, что считаю это крайне невежливым.

– Я сделаю это только в том случае, если возникнет необходимость...

– Надеюсь, ты не считаешь такой необходимостью проживание Дорис в моем доме. Тебе все ясно?

Алекс широко улыбнулся.

– С чего это вы взяли, что можете так на меня наезжать?

– Потому что я старая.

Он обнял Луизу.

– Не беспокойтесь – я буду добр к вашей гостье. Я позабочусь, чтобы ей дали нары пошире. А теперь давайте притащим этот чемодан, а то мне надо идти.

– Но ты ведь обычно работаешь днем? – спросила Луиза.

– Сейчас приходится работать днем и ночью. В городе участились случаи ограбления домов, и я принимаю участие в наружном наблюдении вместе с нашей группой. Мы думаем, что знаем, кто занимается кражами, но его еще надо поймать.

Луиза пожала плечами.

– Хорошо, что я живу здесь. Ну, береги себя, молодой человек.

– Всегда берегу, любовь моя. – И он поцеловал ее в макушку.

Дженифер старалась изо всех сил, чтобы стать незаменимой для База и Адольфо. Основная работа делалась утром, и, когда в закуской появлялась Хедда, у нее оставалось больше времени для того, чтобы заниматься уроками.

Баз и Адольфо за один месяц стали для Дженифер роднее, чем Ник Ноубл за два года, и она была им очень благодарна. Она убирала туалет, выносила мусор, мыла посуду и кастрюли, подметала тротуар перед закуской, полировала стальные предметы, начищала до блеска стекла, поливала цветы и протирала от пыли старые черно-белые фотографии знаменитостей Лас-Вегаса, висевшие на стенах. Это место, закуская и сам город, составляли для нее нечто вроде кокона, в котором она пряталась от прошлого и будущего. Здесь она жила одним днем, и день этот, при всей своей простоте, был очень хорош.

Если бы Дженифер не боялась Ника так сильно, она была бы ему благодарна. Ибо впервые за последние десять лет ей не надо было прилагать усилия, чтобы быть совершенной. Ей не надо было постоянно сохранять контроль над собой – ей было хорошо в своем теле, которое не нужно было постоянно холить и поддерживать в форме. Ей оставалось только

расслабиться в роли скромной официантки и наслаждаться своими собственными чувствами. В этом была такая удивительная свобода.

У Дженифер появились свои привязанности, хотя и не очень глубокие. И все-таки они были глубже, чем все ее привязанности той поры, когда ей нужно было постоянно быть привлекательной для того или иного мужчины.

Сейчас она могла спокойно оглянуться на свою прошлую жизнь. Тогда ей казалось, что положение любовницы богатого старика даст ей возможность в течение какого-то времени вести безопасную и обеспеченную жизнь, но незаметно промелькнуло десять лет. Недавно она была девятнадцатилетней девушкой, а теперь ей уже тридцать, и время пролетело так быстро, что она даже не почувствовала его. Единственное, что заставляло ее ощущать свое взросление, – это четкое понимание того, что она не всегда будет юной и красивой и должна, не тратя времени, спланировать свою будущую карьеру.

Теперь же ее поразила мысль, что она обманывала себя, веря, что такая жизнь ее устраивает. Удовлетворять потребности других, забывая о своих, и все это для того, чтобы жить обеспеченной жизнью и постараться ни в кого не влюбиться, ведь в результате можно остаться одной с разбитым сердцем? Зачем ей это надо? Ее представление о безопасности неожиданно оказалось разбитым вдребезги, так зачем же ей тревожиться о своих сбережениях и вложениях, если сама ее

жизнь в опасности?

Впрочем, теперь она была одинокой женщиной с простыми потребностями и абсолютно неизвестными ей доселе чувствами. Это было почти безоблачное счастье. «Как же, – спрашивала себя Дженифер, – я ухитрилась дожить до тридцати лет, не испытав ничего похожего на счастье?»

Пока Луиза готовилась к отъезду, Дженифер несколько раз приходила к ней домой, чтобы привыкнуть к новому месту, выслушать инструкции по содержанию дома, счетам, банку, уходу за собакой и, самое главное, по работе с компьютером. Дженифер удивлялась, как Луиза, при ее возрасте и слабом здоровье, могла выдержать такое тяжелое путешествие. И еще она поняла, что будет скучать без нее. Дженифер всегда с нетерпением ждала прихода Луизы в закусочную на завтрак и считала ее своей подругой, хотя они и не делились секретами.

– Я беру с собой ноутбук, – сказала Луиза. – Поэтому мы сможем посылать друг другу письма по электронной почте. Так что я всегда буду рядом.

Большие карие глаза Дженифер засверкали от радости.

– Это все равно что вы будете здесь.

– Лучше, – улыбнулась Луиза. – В письмах я не донимаю людей жалобами на свои суставы.

Наконец настал день отъезда Луизы. К закусочной подъехало такси, которое должно было отвезти ее в аэропорт, и Дженифер вышла попрощаться.

– Алиса дома, хандрит, – посетовала Луиза. – Увидев два дня назад, что я собираю чемодан, она стала изображать из себя жертву, а сейчас погрузилась в полную депрессию. Не тревожься, если она пару дней будет отказываться от пищи. Так она дает понять свое недовольство по поводу того, что ее бросили.

– Я вычешу ее и отведу в парк.

– Желаю тебе получить удовольствие от этой передышки, Дорис. Прислушайся к себе. Веди дневник или что-нибудь в этом роде.

– Разумеется, профессор. Благополучного вам полета.

– Мы скоро увидимся, – сказала Луиза.

И Дженифер, сама не ожидая этого от себя, просунула голову в такси и обняла старушку.

– О боже! – воскликнула та. Но, оправившись от удивления, обняла Дженифер и похлопала ее по спине. – Ты хорошо проведешь эти полгода. Не обращай внимания на подкалывания Алекса, а Розу принимай с долей скептицизма.

Позже, после отъезда Луизы, направляясь к ее маленькому кирпичному домику, Дженифер шла по улице медленной, ленивой походкой, хотя сердце у нее колотилось от возбуждения и ее так и подмывало пуститься бегом. После прогулки с Алисой она примет ванну и долго-долго будет нежиться в воде. В мотеле она принимала душ, опасаясь подхватить какую-нибудь заразу в старой фарфоровой ванне.

Сегодня она входила в дом Луизы, испытывая совершенно иные чувства, чем обычно, словно видела его впервые. Дженифер вставила ключ в замочную скважину, но дверь была не заперта. Когда девушка вошла, Алиса медленно поднялась со своей подстилки у камина, но свесила голову и пригнула уши, словно говоря: *«Видишь, меня снова бросили»*.

– Привет, подруга. Не переживай – она скоро вернется.

Алиса снова улеглась, положив нос на пол между лап, глядя грустными глазами вверх.

Дженифер сняла с крючка у двери поводок.

– Вставай, нечего сачковать. Давай-ка прогуляемся, и у тебя сразу улучшится настроение. После этого я займусь делами.

Алиса медленно встала, но, когда она подошла к Дженифер, ее голова все еще была уныло опущена.

– Бог ты мой, – сказала Дженифер. – Прямо мировая скорбь. Ну все, пошли гулять. Хватит жалеть себя.

Пройдя один квартал, Алиса повеселела, после чего с удовольствием пробежалась по парку. Люди, очевидно знавшие Луизу и Алису, приветствовали Дженифер.

– Луиза уехала в Лондон, правда? – спросил мужчина, выгуливавший терьера. Он похлопал Алису по спине. – Я – Пэт, бакалейщик. Заходите, если что будет нужно.

– Спасибо, – ответила Дженифер. – Меня зовут Дорис. Я работаю в закусочной.

– Приветствую вас на борту.

Они миновали еще трех человек – все они поздоровались с Алисой и с ней, и все, по-видимому, поняли, что раз Алису выгуливает другой человек, то Луиза уехала на все лето.

Небольшая прогулка и свежий воздух возродили Алису к жизни, но Дженифер не терпелось вернуться домой, *домой*, и устроиться там. Когда они вернулись, Алиса уже снова махала хвостом и даже немного поела.

– Ну, вот видишь? Я знала, что ты, если захочешь, спокойно перенесешь отъезд хозяйки.

Дженифер погрузилась в атмосферу гостиной. Пол из твердых сортов дерева, красный кирпичный камин, низкий диван, чересчур плотно набитые стулья и оттоманки, вытертые как раз там, где нужно. И книги. В стену, у которой стоял камин, по обе стороны от него, были встроены полки, *набитые* книгами. Дженифер подошла посмотреть на их названия и только тут заметила, что на полках лежит толстый слой пыли. Дженифер провела пальцами по полке и стала изучать названия книг.

Домик Луизы был уютен, хотя и несколько старомоден. На прошлой неделе Дженифер была здесь пару раз, чтобы научиться работать на компьютере, но она по-настоящему не присматривалась к обстановке. Диван с обивкой в цветочек и розовые стулья были в собачьей шерсти, и теперь, подумав об этом, она решила, что дом порядком запущен.

Впрочем, иначе и быть не могло – ведь Луизе было восемьдесят. Она, скорее всего, не замечала пыли из-за сво-

ей близорукости, а если и видела ее, то из-за своего артрита все равно не могла проводить генеральную уборку. Дженифер порылась под мойкой в кухне и нашла все, что ей было нужно, – тряпки, чистящий порошок, очиститель для стекол. Она сразу же взялась за дело, начав с гостиной. На полке стоял старый радиоприемник, и, протирая пыль рядом с ним, Дженифер включила его. Передавали концерт Фрэнка Синатры, она повернула ручку настройки, но Синатра не умолкал. Очевидно, ручка была сломана, и если она собирается слушать это радио, то ей нужно будет смириться с Луизиным выбором программы.

Девушке хотелось бы, чтобы сейчас была зима и было холодно, тогда она разожгла бы камин, включила лампу и, попивая содовую воду, уселась бы с книжкой в руке и никуда бы не выходила. Этот дом казался ей гнездом усталой птицы. Но вместо этого Дженифер открыла окно, чтобы выветрился запах затхлости. В кладовке второй спальни она нашла пылесос и заметила на полке несколько сменных мешков для него.

Если стоять спиной к входной двери, то столовая была слева, гостиная – справа, а выход на веранду – через французские двери – располагался как раз напротив нее. Луиза переоборудовала только кухню, превратив ее в самое современное помещение в доме. Впрочем, ею она почти не пользовалась, поэтому кухня была чистой, только на полу лежал слой собачьей шерсти. Дженифер вычистила гранитные сто-

лешницы, отполировала до блеска стеклянные двери буфета и все детали, выполненные из стали. Она сдвинула кухонный стол, чтобы вымыть пол, и вдруг заметила, что, пока она драила дом, день подошел к концу и солнце начало спускаться. Окна были открыты, потянуло прохладой, и Дженифер, закрывая их, поежилась от холода.

Но она была так счастлива! Как хорошо было привести в порядок дом – ведь она будет жить в нем целых полгода.

На стене рядом с телефонным аппаратом висел список всех телефонов, которые могут ей понадобиться, и листок с просьбой: «Живи в спальне хозяйки, пожалуйста». Все это было отпечатано; пальцы Луизы не могли уже держать ручку.

Дженифер взяла свой рюкзачок и прошла в спальню, где нашла на кровати корзинку с запиской. «Побалууй себя», – было написано в ней. В корзинке лежал шампунь, гель для душа, лосьон, мыло, пенка для умывания, пена для ванны, новая щетка и расческа, зубная щетка и паста, одноразовые бритвы и маникюрный набор. Дженифер взяла в руки шампунь и расхохоталась. Она села на кровать и увидела свое лицо в зеркале шкафа. Это было лицо четырнадцатилетней Дженифер – без косметики, с губами, не накачанными коллагеном, темной шапочкой волос, покрывавших ее голову, с отросшими бровями, которые потеряли свою форму из-за того, что их давно не выщипывали. Из-за коротких волос на голове ее карие глаза казались больше и темнее.

Кто бы мог поверить, что самой лучшей маской будет ее

естественный вид?

Единственное изменение, которое она сделала в своей внешности во взрослом возрасте и которое собиралась унести в могилу, – это зубные коронки. Теперь она подумала, что если она действительно хочет скрыться от Ника, то ей, наверное, стоит снять их и восстановить зубы, данные ей от природы?

Но нет. Хватит и этого.

Дженифер почувствовала, как горло перехватывает спазм. Она потратила так много энергии на совершенствование своей красоты, поскольку считала, что этого требует ее стиль жизни, без которого она не сумела бы выжить. А теперь она носит мужские брюки и рубашки, такие удобные, но не привлекательные. Прежней Дженифер больше нет, подумала она. Глядя на свое новое лицо, которое она помнила с юности, она не была уверена, что знает эту женщину.

Не плачь. Тебе не нужно будет всегда оставаться такой. Это все временно. Пока ты не решишь, что надо делать.

Но от прежней Дженифер, над созданием которой она так много потрудилась, остались драгоценности и деньги в рюкзаке. Она могла бы продать два кольца и теннисный браслет, но если Ник захочет ее разыскать, то может с их помощью вычислить, где она скрывается, поэтому девушка просто засунула их в рюкзак и сказала себе, что продаст их только в случае крайней необходимости. У нее еще остались кое-какие деньги, кроме того, у нее были две работы и очень

скромные запросы.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Дженифер ушла из отеля. Сделав пару звонков по телефонам с заблокированными линиями, она выяснила, что Барбара Ноубл, по слухам, живет в поместье Ноублов на Карибских островах. Очевидно, об убийстве никто не подозревал. Лимузин МГМ появлялся всего один раз – и не было никаких доказательств того, что в нем сидели Ник или его головорезы. Может быть, все они уже вернулись во Флориду, решив, что Дженифер никогда не решится рассказать о том, что видела.

Все это вполне возможно, решила она. Время покажет. И это время она проведет в уютном домике Луизы. Очень удобное место, чтобы прятаться.

Дженифер быстро и энергично вычистила ванну, затем скинула туфли, бросила на пол брюки и мешковатую рубашку. Пока ванна наполнялась горячей водой с пеной, она осмотрела себя в зеркало. Как бы удивились люди, если бы узнали, что под мешковатыми штанами и мужской рубашкой скрывается такое тело – высокая грудь, плоский живот, круглая попка и длинные, стройные, красивые ноги.

Девушка погрузилась в ванну и громко вздохнула. Благо-слови, боже, Луизу Барстоу – это был рай на земле. Дженифер, облетевшая в частных самолетах все самые роскошные курорты мира, посещавшая самые лучшие салоны красоты, носившая одежду от самых дорогих модельеров, переживала счастливейший момент своей жизни в ванне Луизы Барстоу.

В ванную вошла Алиса, фыркнула, почуяв мыльную пену, и помахала хвостом.

«К тому же мне досталась самая лучшая соседка по комнате», – подумала Дженифер и погрузилась в воду с головой.

Позже, вечером, она села за компьютер. Луиза еще не прилетела в Лондон, но, когда она доберется до сына, ее будет ждать сообщение с хорошими новостями об Алисе. И тут произошла странная вещь. Если бы Луиза была здесь, Дженифер не знала, захотелось бы ей разговаривать с ней. Но письмо – совсем другое дело. Ей пришлось сдерживать себя, чтобы сообщение не получилось слишком большим. Большое письмо она пошлет попозже.

«Дорогая Луиза.

Когда я пришла домой, Алиса была немного расстроена, но ей удалось справиться с этим. Я гуляла с ней в парке. После этого у нее проснулся аппетит, и она немного поела. Представьте себе мое удивление, когда я увидела, как много людей и собак знают ее, но потом я вспомнила, что Алиса давно живет в Боулдер-Сити. У вас очень дружелюбные соседи, живущие рядом с парком. Многие предлагали мне, в случае нужды, обращаться к ним за помощью. Но я ни в чем не нуждаюсь конечно же.

Как ваши дела? Как вы перенесли полет? Как ваши ноги? Когда у вас будет свободная минутка, сообщите мне, как вы там?

Я хочу спросить у вас, просто из любопытства – почему все дома в этом квартале выглядят одинаково? Их что, строили люди, лишённые воображения?

Завтрак теперь будет проходить совсем по-другому...
С любовью, *Дорис*».

На следующий день Дженифер включила компьютер еще до прогулки с собакой, и, к ее радости, он сообщил ей, что на ее адрес пришло письмо!

«Дорогая Дорис.

Съезди посмотреть плотину и музей – тебе это будет интересно. Боулдер-Сити был построен по государственному проекту, и все домики в нашем квартале – это часть исторического района – были сооружены для тех, кто руководил строительством плотины. Рабочие жили в общежитиях, палаточных городках и в выстроенных на скорую руку лачугах. В 1931 году это было место с очень строгими законами и высокими нравственными нормами, которое располагалось в центре самого либерального и самого пьющего штата в стране. Правительство опасалось, что если рабочие, строившие плотину, будут пить и предаваться разврату в Лас-Вегасе, то взорвут себя с помощью динамита, который они использовали в процессе строительства. Или умрут от болезни. Какая-то часть этих навязанных нам моральных принципов сохранилась до сих пор, делая нас очень скучными людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.